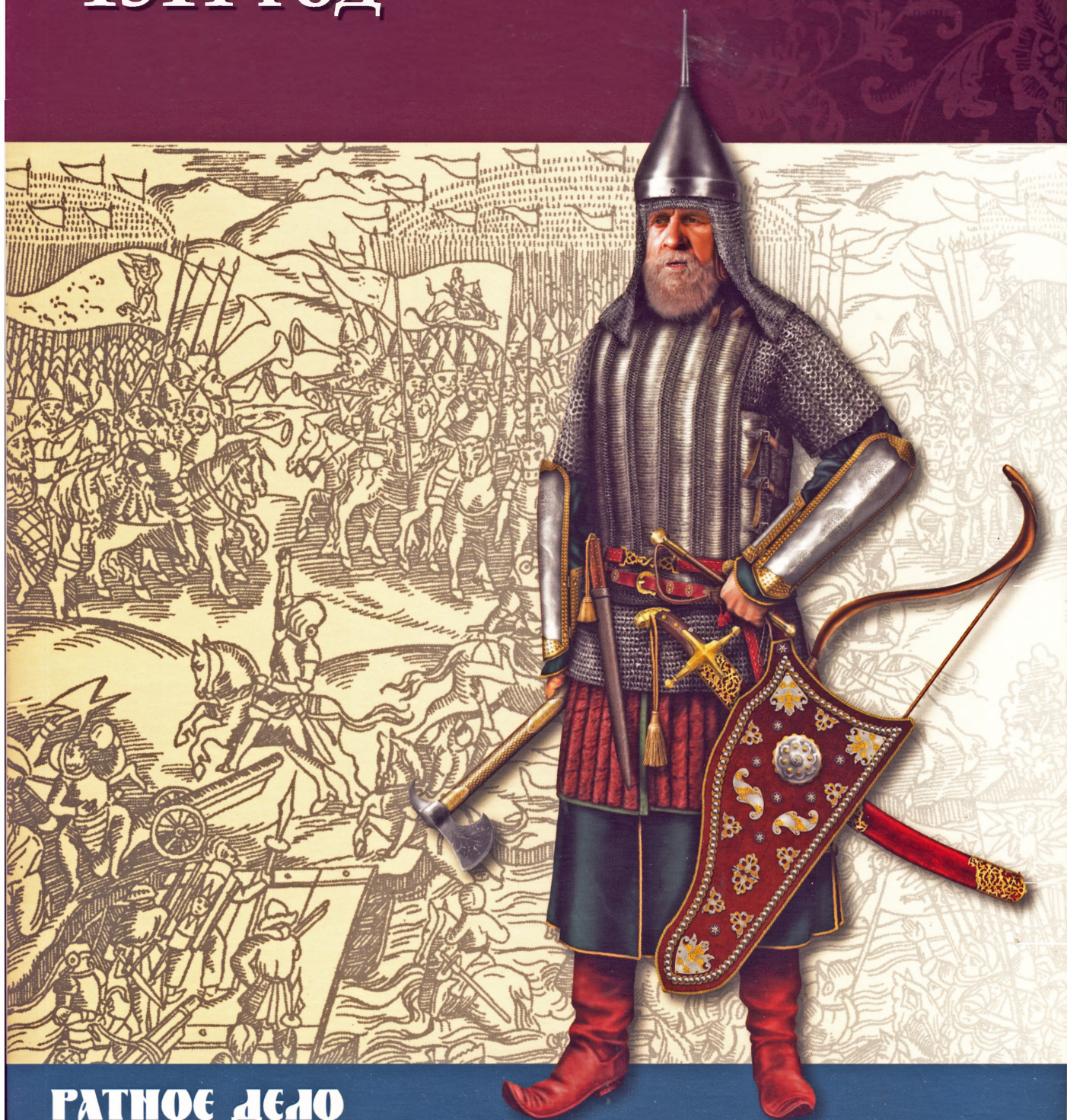


А.Н. Лобин

ВЗЯТИЕ СМОЛЕНСКА и битва под Оршей 1514 год



РАТНОЕ ДЕЛО

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ НАКАНУНЕ БИТВЫ ПОД ОРШЕЙ. 1514 г.



РАТНОЕ ДЕЛО

А.Н. Лобин

**ВЗЯТИЕ СМОЛЕНСКА
И
БИТВА ПОД ОРШЕЙ
1514 г.**



Москва • 2015

УДК 355.48(47:474.5)(091)"1514"

ББК 63.3(2)43-04

Л68

Лобин, Алексей Н.

Взятие Смоленска и битва под Оршей 1514 г. / Алексей Лобин. – М.: Фонд «Русские Витязи», 2015. – 56 с. + 4 цв. вкл. – (Ратное дело). – ISBN 978-5-9906036-7-7

Научный редактор серии: А.В. Малов.

Рецензенты:

доктор исторических наук Геннадий Александрович Санин (ИРИ РАН),

доктор истории Петр Кроль (Варшавский университет),

кандидат исторических наук Олег Александрович Курбатов (РГАДА).

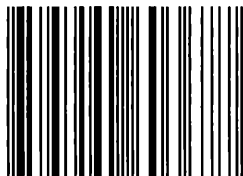
Книга посвящена изучению главных событий русско-литовской войны 1512–1522 гг. — взятию Смоленска и битве под Оршей. На основании большого количества источников автор подробно рассматривает ход кампании 1514 г.: подготовку к войне, силы сторон, военные операции. Книга обращена к широкой читательской аудитории: к преподавателям и учащимся высших и средних учебных заведений, а также ко всем интересующимся как военной, так и общей историей Отечества.

Исследование выполнено при поддержке РГНФ, грант 15-21-01003 а(м)

На обложке:

Сходный воевода поместной рати Государя всеа Руси великого князя Ивана III Васильевича (1462–1505). Рисунок Ю. Юрова

ISBN-13: 978-5-9906036-7-7



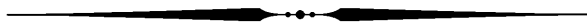
9 785990 603677 >

© Лобин А.Н., текст, примечания, 2015
© Юров Ю.М., рисунок на обложке, 2015
© Темушев С.Н., карты-схемы, 2015
© Фонд «Русские Витязи», издание, 2015



СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Война дипломатий и <i>casus belli</i>	4
Три осады Смоленска 1512–1514 годы	9
На Днепровском рубеже	25
Битва 8 сентября 1514 года	37
Заключение	49
Примечания	51

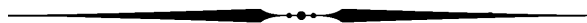


ВВЕДЕНИЕ

Война 1512–1522 гг. между Русским государством и Великим княжеством Литовским была самой продолжительной из всех русско-литовских войн XVI столетия, в ходе которой войска противников одерживали громкие победы, и терпели тяжелые поражения. Одному из известных событий этого конфликта — битве под Оршей 8 сентября 1514 г. — в национальных историографиях Литвы, Беларуси, Украины и Польши уделялось особенное значение, потому как на оршанском поле против русских войск сражались выходцы из этих земель. Например, с 1992 г. день 8 сентября в Беларуси определенными кругами празднуется как День военной славы. В 1990–2000-х годах появилось большое количество работ, посвященных «оршанскому триумфу». В абсо-

лютном большинстве статей 1990-х гг. победа над москвитами на Крапивенском поле трактовалась с патриотическим пафосом, в самих статьях неоднократно подчеркивалась необходимость празднования Оршанской битвы. Наконец, 2014-й сеймом Литвы был объявлен годом Оршанской битвы.

Таким образом, военная кампания 1514 г. занимает в русско-литовском противостоянии особое место, так как в этом году произошли самые значимые сражения всей войны — взятие Смоленска и битва под Оршей. Однако в истории первое событие несправедливо оказалось в тени второго. Между тем главным результатом войны стало именно присоединение Смоленской земли к Российскому государству.





ВОЙНА ДИПЛОМАТИИ И CASUS BELLI*

26 июня 1404 г. после продолжительной осады великий князь Литовский Витовт взял Смоленск, после чего все Смоленское княжество было присоединено к Литве. Князь Юрий Святославович Смоленский, лишившись владений, отъехал на службу в Москву. Принятие им московского подданства дало основание великим князьям вся Руси считать Смоленск своей «отчиной», которую силою отнял литовский князь.

В правление Ивана III Васильевича между Русским государством и Великим княжеством Литовским было две крупных войны — 1487–1494 и 1500–1503 гг. В результате успешных боевых действий к России отошли обширные территории удельных князей Одоевских, Воротыньских, Белевских, часть владений князей Вяземских и Мезецких, а также 19 городов на западе и юго-западе.

При сыне Ивана III Василии Ивановиче начался новый виток конфликта. Первая война продолжалась с 1507 по 1508 г. Хотя по ее итогам граница осталась прежней, Великое княжество Литовское было вынуждено признать все прежние завоевания Ивана III. Литовским князьям Михаилу, Ивану и Василию Львовичам Глинским с их родственниками и сторонниками, выступившим на стороне московского государя, пришлось отказаться от своих владений в Литве и уехать в Москву.

Перемирие, заключенное в Вильно 14 января 1509 г., было лишь временной передышкой, во время которой каждая из противоборствующих сторон старалась учесть свои ошибки и лучше подготовиться к новой войне. Сама кампания 1507–1508 гг. велась, по определе-

нию историка Е.И. Кашпровского, «без определенного плана, носила она случайный характер»¹. Воеводы ходили тогда к Смоленску, но все же нельзя сказать, что это были целенаправленные походы с задачей взять крепость: ни имеющихся сил, ни средств тогда было недостаточно. Поэтому не с 1507-го, а именно с 1512 г. российские летописцы начинают отсчет смоленским походам. Поскольку главной целью войны был Смоленск, то вполне приемлемо назвать военные действия 1512–1522 гг. Смоленской войной.

В период перемирия 1509–1511 гг. у приграничья неоднократно происходили грабежи населения по обе стороны границы. И Россия, и Литва неоднократно заявляли о многочисленных «убытках» вследствие нападений вооруженных отрядов с сопредельных территорий. Первым со стороны Великого княжества Литовского (ВКЛ) приехал в Москву дворянин Станислав Довгирдов «с грамотою о порубежных обидах»². В мае и сентябре 1510 г. в Краков приезжали посольства из Москвы с жалобами на чинимые со стороны Литвы пограничные «обиды». В начале 1511 г. в Краков прибыло еще одно большое посольство князя Михаила Захарьина и дьяка Василия Долматова в составе 364 человек³. Русские дипломаты прибыли заявить королю о притеснениях со стороны литовских пограничных людей. На приеме у короля со стороны ВКЛ выступил королевский секретарь и воевода Витебский Иван Сапега с аналогичными претензиями, «что государевы люди королевским чинят обиды и убытки великие, и волости, и земли, и воды заседают».

Необходимо отметить, что помимо ведения дипломатических переговоров послу В. Долма-

* Причина войны – лат.

тову было дано указание съездить к сестре государя, великой княгине Елене (вдова короля и великого князя Литовского Александра Казимировича), и завести разговор «о государевых и о своих делах». Ранее княгиня Елена неоднократно жаловалась на притеснения со стороны литовских воевод.

Еще с момента заключения перемирия 1509 г. между Сигизмундом Казимировичем и Василием Ивановичем развернулась борьба на дипломатическом фронте: Вильно и Москва активно искали союзников, с которыми можно было бы в ближайшем будущем создать военную коалицию.

К 1511 г. государю Василию III удалось урегулировать отношения со своим вассалом Василием Шемячичем, князем Новгород-Северским. Через год новгород-северские отряды уже принимают активное участие в русско-литовской войне.

Значительную роль в сближении Тевтонского ордена, Священной Римской империи германской нации и России сыграл саксонский авантюрист Христофор Шляйниц, слуга князя Михаила Львовича Глинского. Ранее, в 1498–1510 гг. саксонец выполнял разные тайные поручения в переговорах князя с Тевтонским орденом и германскими курфюрстами⁴. Но его дипломатическая деятельность 1511 г. выделяется из всех ранее проведенных секретных миссий.

В первых числах января 1511 г. Шляйниц прибыл в Москву с поручением от представителя тевтонской стороны, штатгальтера графа Вильгельма фон Изенбурга, обговорить с князем Глинским возможность противодействия примирению России и Литвы. Столицу «московитов» саксонец покинул 11 апреля, имея в руках заверения Михаила Глинского фон Изенбургу о воинственной позиции Москвы в отношении Литовского княжества. Уже 14 апреля 1511 г. датируется первое орденское известие о том, что из-за успешных переговоров в Москве с «князем Михелем» (Глинским) «король (Сигизмунд — А.Л.) не может заключить мир с московитами и татарами»⁵. Шляйниц благополучно прибыл в Ливонию, а затем через территорию Жемайтии двинулся к землям Ордена. Но далее события приобрели драматический оборот: жемайтский воевода Станислав Кезгай-



Король Сигизмунд I. Гравюра из книги Александра Гваньини (*Guagnini A. Sarmatiae Europaeae descriptio... Cracovia, 1578*)

ло, узнав о нахождении Шляйница, организовал погоню. Спасаясь от преследовавшей конной стражи, агент выбросил секретные письма в воду, а сам, чудом избежав плена, укрылся в Мемельском замке у орденского комтура Михаэля фон Швабена⁶. Письма с расплывшимися чернилами были выловлены из воды и доставлены в Краков. Сигизмунду Казимировичу стало очевидно, что в ближайшем будущем зреет опасная антигеллонская коалиция.

Пока саксонец ездил из Кенигсберга в Москву и обратно, умер гроссмейстер Тевтонского ордена Св. Марии Фридрих. Орденским капитулом новым главой был избран 20-летний бранденбургский маркграф Альбрехт Гогенцоллерн, родственник польского короля. У Сигизмунда появилась надежда, что в отличие от прежнего гроссмейстера его племянник не будет занимать столь ярко выраженную антипольскую позицию. Но вскоре король понял, что ошибался.

Помимо дипломатической миссии, хитрому саксонцу Х. Шляйницу, несмотря на противодействие польских дипломатов, удалось также завербовать несколько рот немецких наемников, отряды которых через Ливонию двигались в Россию в надежде послужить великому князю. За ними же поехали и военные инженеры из Империи с поручением оказать техническую помощь «московитам».

Ягеллонский двор внимательно отслеживал все процессы, направленные на сближение Ордена, Империи и России. 18 мая 1511 г. королем были посланы по приграничным городам инструкции, в которых говорилось о деятельности Христофора Шляйница, «слуги князя Михаила Глинского», который ездил в Орден договариваться о военном союзе с Россией⁷. Польский хронист Мацей Стрыйковский упоминает одного ротмистра, родом из краковских мещан, по имени Лада Чех, который прельстился деньгами князя Глинского, поспешил на службу к «московитам», но на границе был схвачен и обезглавлен в Кракове⁸.

Для укрепления династических связей в декабре 1511 г. великий князь Литовский принял решение на заключение брака с Варварой Запольяи, дочерью венгерского магната Яна Запольяи. Свадьба была сыграна через два месяца, тем самым Сигизмунд «сделался покровителем антигабсбургской коалиции в Венгрии»⁹.

Великий князь Литовский планировал на великом вальном сейме в Вильно 1512 г. рассмотреть проект совместной обороны Польши и Литвы против общих врагов на основании договора 1501 г.¹⁰ Послание от сенаторов Польши с предложениями об унии доставили на сейм воевода Подольский Оттон Ходецкий и каштелян и староста Бельзский Георгий Крупский¹¹. С литовской стороны посольство Ивана Сапеги доставило коронной раде предложения лишь об общем оборонительном союзе, которые не могли устроить польскую сторону. Единственное, в чем не было разногласий, это в решимости оказывать друг другу военную помощь. В случае начала боевых действий с «московитами» поляки не возражали против посылки добровольцев и набора в Польше наемников.

⁷ Великий вальный сейм — сословно-представительный орган Великого княжества Литовского.

В 1512 г. существенно изменились отношения с Крымом. После того как в битве под Вишневецом 28 апреля 1512 г. князь К.И. Острожский разбил крымское войско, с крымским ханом Менгли-Гиреем начались переговоры о совместных действиях против Василия III. Хан в знак желания заключить мир прислал в качестве заложника своего внука Джелаль-аль-дина. Договор был заключен. По его условиям, Великое княжество Литовское и Корона обязаны были ежегодно выплачивать «упомянутки» (дары) Крыму в размере 15 000 злотых¹². Крымские татары под предводительством «царевичей» в мае 1512 г. направились опустошать белевские и одоевские уезды России.

В ожидании войны с «московитами» прошли 1511 и 1512 гг. В приграничных крепостях Великого княжества Литовского (Смоленск, Витебск, Полоцк, Мстиславль) гарнизоны были усилены наемниками, бремя содержания которых лежало на городе или повете. Чрезвычайный военный налог — «серебщина» — собиравался уже в условиях начавшейся войны и, таким образом, мог быть использован только после того, как противник навязывал свою инициативу. Время — важный фактор в условиях маневренной войны, но при той системе сбора средств на войну и мобилизации Литва не могла быстро и эффективно противодействовать вторжениям.

Итак, 1509–1512 гг. прошли в пограничных спорах. Вооруженные люди с той и другой стороны нападали на порубежные села, захватывали скот, секли крестьян и уходили на свою территорию. И все же эти споры не могли стать поводом для нового широкомасштабного конфликта. Seriously обострили русско-литовские отношения известия о подстрекании Сигизмундом крымских татар напасть на южные рубежи России — уже в мае 1512 г. татарские набеги опустошили уезды за р. Окой. Одновременно с этим из Литвы были получены сведения о заключении под стражу литовскими властями сестры государя, великой княгини Елены, которую заподозрили в том, что она хотела убежать со своею казной в Москву. В том, что казна Елены была отправлена в ее же имение Браславль, дворецкий В. Ключко усмотрел признаки подготовки побе-



га, после чего виленский и трокский воеводы М. Радзивилл и Г. Остикович арестовали сестру московского государя. Арест происходил в церкви, воеводы особо не церемонились: княгиню схватили за рукава и силой выволокли на улицу. Этими действиями был погран закон о неприкосновенности в храме («безчестье учинили»). Сложно сказать, пыталась ли великая княгиня действительно выехать в Браสลавль или все же бежать в Москву под защиту брата. Решение Елены выехать в имение может объясняться желанием найти защиту в стенах своего замка. Королева писала ранее, что «Жигимонт король ее не во чти

Государь вся Руси Василий III. Гравюра из книги Сигизмунда Герберштейна 1551 г. (Herberstein S. Rerum Moscoviticarum commentarii. Basiliae, 1551)

и не в береженье держит, да и сила от короля и от панов рад чинитца великая: и города и волости выпустошили»¹³.

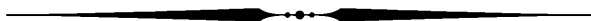
Так или иначе, но уже в «бесчестии» сестры государь Василий Иванович нашел серьезный повод пойти войною на обидчика. Наконец, еще одним поводом для войны были постоянные подстрекания («накупки») крымских ца-

ревичей Ахмет-Гирея и Бурнаш-Гирея напасть на южные рубежи России.

После ареста великая княгиня прожила недолго. Когда в январе 1513 г. первый русский отряд подошел к стенам Браславля, со стен крикнули, что великая княгиня Елена Ивановна скоропостижно скончалась. Известно, что до смерти Елены два человека — «Митька Федоров, Сапегин человек» и ключник княгини «Митька Иванов», находившиеся в это время у княгини, получили какое-то поручение от виленского воеводы Николая Радзивилла, троцкого воеводы Григория Остиковича, дворецкого Войтеха Клочко и подскарбия Авраама Юзифовича, которое привез им некий Гетофт Волянец. Княги-

ня в это время присутствовала на свадьбе одних из своих слуг. После пира она тяжело заболела и умерла. Один из просвещенных людей своего времени, Ян Комаровский, бывший в хороших отношениях с самим Радзивиллом, личным врагом Елены Ивановны, в своей хронике откровенно заявлял, что княгиня действительно умерла насильственной смертью: «Там (в Браславле — А.Л.) она скончалась от яда по прошествии нескольких недель, потому как паны боялись ее предательства»¹⁴.

В конце 1512 г. началась война, которая продлилась почти 10 лет и закончилась присоединением Смоленской земли к Русскому государству.





ТРИ ОСАДЫ СМОЛЕНСКА 1512–1514 ГГ.

В конце осени 1512 г., с началом «санного пути», когда дороги промерзли, русское войско с большим количеством артиллерии двинулось на Смоленск.

20 января 1513 г. магистр Ливонского ордена Вольтер фон Плеттенберг получил от прибывших из Москвы послов подробные сведения о военных приготовлениях великого князя Московского. Очевидцы сообщали, что во главе грозного бесчисленного войска стоит «господин герцог Михель» (кн. Михаил Глинский), в самой Москве приготовлено множество превосходных пушек — картаун, мортир, шлангов и других огнестрельных орудий¹⁵. Войско Василия Ивановича пополнили также и военные специалисты, нанятые в Европе для службы в «Московии» слугой кн. М. Л. Глинского Христофором Шляйнице¹⁶.

По описаниям того времени, смоленская крепость была защищена «самим потоком [Днепра], болотами и также человеческими усилиями, укреплениями и дубовыми бревнами, сложенными четверной стеной и наполненными смолистой глиной, и даже лишеной покрытых площадей, рвом и высоким валом обнесена вокруг, так что виднелись только крыши домов. И ни ударами бомбард, ни стенобитными орудиями, ни различными подкопами, ни огнем или серой нельзя их ни спровергнуть, ни взойти на них»¹⁷.

Описание укреплений Смоленска подтверждается «Новым известием о Литве и московитах», составленным анонимным автором в 1513 г.: «...крепость не имела каменной стены, но только была окружена дубовыми загородками, наполненными очень тол-

сто для сопротивления камнями и землею; через эти перегородки не проникло ни одно ядро...»¹⁸. В псковских летописях замечено, что город имел «твердость стреминами гор и холмов высоких затворенно и стенами велми укреплен»¹⁹.

Позже (в 1517 и 1526 гг.) имперский посол так описывал укрепления города: «Смоленск... имеет на том берегу реки к востоку деревянную крепость, в которой, словно в городе, очень много домов. Эта крепость... укреплена рвами, сверх того, острыми кольями, которые защищают от нападения врага»²⁰.

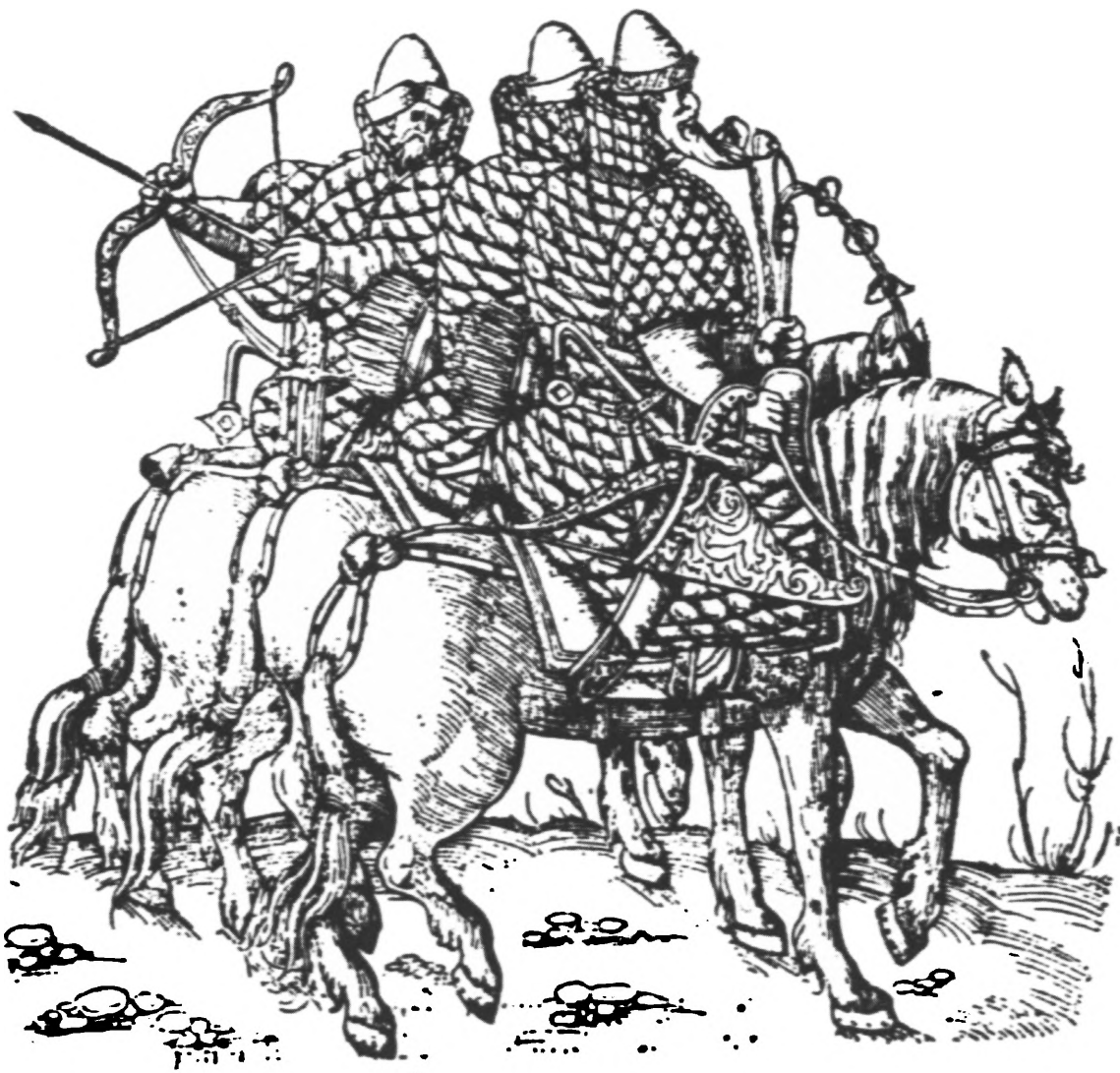
Русской артиллерии предстояло испытать себя при осаде крепкой цитадели. Прекрасно осознавая роль огнестрельного оружия в будущей войне, государь велел собрать «с городов пищальники, и на Пскович накинуса 1000 пищальников, а псковичем тот рубеж не обычен, и бысть им тяжко велми»²¹. Таким образом, Псков в будущий поход выставил максимальное количество воинов с ручными пищальями.

Первым к городу шла мобильная дворянская конница с задачей блокировать гарнизон. Длинной вереницей потянулись обозы с посохой и новой артиллерией, а также пехота. «Наперед своево походу» для блокирования крепости была послана рать кн. Ивана Михайловича Репни-Оболенского и боярина конюшего Ивана Андреевича Челядина (всего 10 воевод)²². На северо-западном направлении — в районах Браславля и Дрисвята — действовали небольшие отряды кн. Федора Юрьевича Шуки Кутузова, Михаила Семеновича Воронцова, Андрея Никитича Бутурлина и Василия Семеновича Швих-Одоевского

Взятие Смоленска и битва под Оршей 1514 г.

(также десять воевод). К Холмскому городку выдвинулась рать кн. Василия Васильевича Немого Шуйского (пять воевод). В Киевскую землю пошел вассал Василия III Василий Шемячич с новгород-северской дружиной. Последний удар, также как и поход боярина кн. Василия Васильевича Шуйского, носил вспомогательный, отвлекающий характер. Летописи сообщают, что окрестности упомянутых населенных пунктов подверглись опустошению²³. В декабре к Смоленску выдвинулся и сам государь с большой ратью.

В январе 1513 г., когда были установлены артиллерийские батареи, началась первая осада Смоленска. Уже под Смоленском войско Василия Ивановича пополнили военные специалисты, нанятые Х. Шляйницем в Европе. На этот раз приказ Сигизмунда, запрещающий пропускать военные отряды, отправляющиеся в «Московию», запоздал. В письме от 21 февраля 1513 г. король отмечал, что европейские пехотинцы-наемники продвигались через Ливонию беспрепятственно²⁴. В «Хронике» М. Стрыйковского говорится



Поместная конница. Гравюра из книги С. Герберштейна 1551 г.

не только о пехотинцах: «Глинский Михаил послал немца Шлейница к силезцам, чехам и немцам, которые за деньги очень много всадников и кнехтов наняли, и до Москвы через Лифлянты препроводили»²⁵.

4 декабря 1512 г., когда русские отряды были уже под Смоленском, к Менгли-Гирею было отправлено посольство в составе Станислава Скиндеры и Яцка Ратомского. Послы везли 15 000 злотых — «упоминки» хану в соответствии с договором²⁶.

К началу 1513 г. со стороны ВКЛ рассматривался вариант привлечения к союзу Ливонского ордена. 13 февраля магистр фон Плеттенберг получил первые предварительные известия, «что король Польский намерен просить помощи от Ордена против москвитян»²⁷. Но переговоры с ливонцами так и не состоялись. Также ничем закончились и переговоры с тевтонцами. В первые два года своего правления гроссмейстер Тевтонского ордена Альбрехт Бранденбургский не имел прямых контактов с Москвой. По условиям Второго Торуньского мира гроссмейстер являлся вассалом польского короля и, следовательно, должен был оказывать ему сильную помощь в войне с врагами. Когда началась Смоленская война, то Сигизмунд не преминул напомнить своему племяннику об обязанностях вассала. Гроссмейстер отказывался предоставить помощь под разными предлогами. Не только личная неприязнь к своему дяде, но и жесткая позиция императора Максимилиана повлияла на отрицательное решение Альбрехта. Еще по результатам осеннего Петроковского съезда 1511 г. гроссмейстер и польский король подтверждали соглашения о совместных действиях против врагов, а также о неправомочности императора отменять пункты подписанного ими договора. Неудивительно, что, когда имперские агенты в Кенигсберге доложили Максимилиану о Петроковском соглашении, его январский указ великому магистру был выдержан

* Второй Торуньский мир — мирный договор между Тевтонским орденом и Королевством Польским 1466 г., по которому к Польше отошла западная часть владений ордена и княжество-епископство Вармия. Орден признавал себя вассалом польского короля.

в резких тонах: «сей трактат Петроковский нам несет явный вред, а вашему ордену полное разорение. ... А посему повелеваем... ни под какими предлогами не принимать к исполнению пункты трактата и секретного соглашения...»²⁸. Но буквально через несколько дней после того, как орденская канцелярия получила этот императорский указ, его копию уже читал Сигизмунд: польские агенты в Пруссии позаботились скопировать документ и доставить копию в Краков.

Гроссмейстер Тевтонского ордена явно не торопился (да и, судя по всему, не собирался) оказывать помощь польскому королю. Если 4 марта гроссмейстер заверял, что король получит требуемую помощь против «москвитов», как только решение о ней будет принято прелатами и местность после весенней распутицы будет пригодна для прохода войск, то 13 марта он в очередной раз информировал Сигизмунда о том, что созывает Ландтаг, на котором будет решаться вопрос помощи против «москвитов»²⁹.

Что же происходило на смоленском театре? Навстречу московскому войску не вышла ни одна хоругвь. Король в это время был в Польше, где он и узнал от воеводы Новогрудского Ольбрахта Гаштольда о начале боевых действий. Мероприятия по сбору войска явно запоздали. Великий князь Литовский Сигизмунд писал своему брату, венгерскому королю: «Мы узнали, что этот нечестный враг в нарушение договора вторгся в наше Великое княжество и осадил крепости, в том числе замок Смоленск, большими армиями; на праздник Богоявления он пытался штурмовать замок Смоленск, и его сто сорок бомбард метали камни»³⁰.

Весьма интересна и показательна запись переговоров в Вендене в феврале 1513 г. между представителями Литвы и Ливонии из-за начавшегося вторжения русских. В заявлении литовской стороны содержится фактически сводка положения дел в начавшейся войне. По словам представителей, московский князь «несколько недель тому назад послал двух братьев, князей Георгия и Андрея, со своими предводителями, с боль-

* 6 января.

шими артиллерийскими орудиями и другими осадными машинами под его королевского величества замок, вышеупомянутый Смоленск, чтобы захватить его и владеть им. Другие предводители (с войсками) направлены в города Полоцк, Витебск, Мстиславль, Оршу и многие другие замки и творят в тех областях огнем и мечом великое насилие...»³¹. Во имя христианской веры, говорили польско-литовские делегаты, все совместно должны выступить против схизматиков и тем самым предотвратить возможный захват неприятелем указанных городов. В ответе ливонская сторона согласилась с тем, что «московиты» действуют вероломно, однако в вопросах военной помощи против них была, как и следовало ожидать, весьма уклончива. Правда, ливонская сторона пообещала, что комтуры всех пограничных крепостей сосредоточат имеющиеся силы на границе с русскими для демонстрации силы³².

Под Смоленском русские стояли «6 недель», после чего Василий Иванович решил попытаться судьбы приступом. Для ночного штурма сформировали команду из пехотинцев-пищальников во главе с сотником Хоружой. В псковских летописях этот момент описан следующим образом: «и князь великий дал Хоруже сотнику, псковским пищальником с товарищи, 3 бочки пива да 3 бочки меду». Указание на количество хмельных напитков очень важно для вычисления того, сколько человек могло принимать участие в атаке городских стен. Большая бочка вмещала тогда до 40 ведер (492 л). Следовательно, воинам было выдано по 120 ведер того и другого напитка. Если принимать во внимание, что каждый мог выпить в среднем по литру пива и по литру меда, то ориентировочные расчеты показывают: на штурм пошло максимум до 1500 пищальников, очевидно, все 1000 псковских и 500 «с городов». Но в тексте определенно говорится, что напильсь «допьяна», следовательно, если допустить другую пропорцию хмельных напитков (3 л на человека), то реальное число штурмующих может быть снижено всего до 1000 человек.

Рассказы участников того неудачного штурма записаны в Псковской летописи: «И напившись полезоша на приступ ко граду, и

иных городов пищальники, а посоха примет понесли, а полезоша в полнощ да и день той маялися из-за Днепра реки со всех сторон, и иступов пушками биша. И много побиша пскович, зане же они пьяни полезоша, всяких людей побиша много»³³. Большие потери штурмующих пищальников в посланиях королевской канцелярии были раздуты поистине до гомерических размеров. «Как нам писали, — позже сообщал Сигизмунд архиепископу Яну Ласкому, — под Смоленском легло более двух тысяч московитов»³⁴, а «вся их сила разбилась о стойкость крепости», несмотря на то, что штурм «был ночью, когда люди обычно ищут место для отдыха». В другом письме от 14 марта тому же адресату король сообщал: «Нам пишут, что упомянутый Московит потерял более 11 тысяч жизней в этой войне»³⁵.

Завышенные данные об огромных потерях противника были приведены с одной целью — рассказать о трудностях в войне и значимости победы. Главной темой в переписке с архиепископом Гнездинским Яном Ласким стало обсуждение ни много ни мало священного похода против схизматиков. Из Познани король писал: «Радные паны Великого княжества Литовского просят, чтобы при Вашем содействии мы могли вымолить у Папы разрешение на крестовый поход против московитов, в который могут пойти большинство воинов из Дании, Швеции, Шотландии, Норвегии, Ливонии»³⁶. Скорее всего, Сигизмунд отдавал себе отчет о нереальности выполнения такой просьбы: Ватикан более интересовала коалиция против османов, нежели против каких-то московитов, живущих на окраине католического мира. Но для польского короля и великого князя Литовского было важно заявить о возможности такого мероприятия в будущем, обозначив растущую угрозу со стороны России.

В первых днях марта, перед началом весенней распутицы, государь Василий Иванович снял осаду и отступил. Вместе с ним из-под Орши, Полоцка и Витебска отошли отряды, действовавшие на вспомогательных направлениях. Великий князь Литовский в письме венгерскому королю Владиславу объяснял причины отступления «московитов» следующим образом: «суровой зимой войско



Воин-«московит». Гравюра XVI в.



**Король Венгерский и Чешский Владислав.
Гравюра XVI в.**

подданных нашего великого княжества с полевыми гетманами (*cum campi ductore*) направили мы против врага, который тут же в страхе отступил в свою землю, только узнав о движении наших сил»³⁷. Никакого «грозного войска», шедшего на помощь Смоленску, естественно, не было. Наемников, как следует из документов, собрать не удалось, ополчение (посполитое рушение) из-за постоянного «непослушества» шляхты вряд ли могло собраться до масштабов «грозного войска».

Королю было впору учесть ошибки, связанные с медленным сбором денежных средств и созывом посполитого рушения. Смоленск устоял только благодаря своим укреплениям и гарнизону. Однако в деле обеспечения безопасности границ практически ничего не было сделано. Очевидно, в Вильно полагали, что Смоленск все равно отобьется от «московитов», так как последние не обладали практикой ведения долговременных осад. Единственное

достижение, которое было сделано на дипломатическом фронте, — это договоренность с Крымом о нападении на южные рубежи России, чтобы отвлечь ее главные силы.

Грохот русских бомбард под Смоленском не мог быть не «услышан» в Кенигсберге, Вендене, Кракове и Вене: европейцы пристально следили за событиями на русско-литовском фронте. В это время начинает формироваться имперско-тевтонский союз, направленный против Ягеллонов. Послы императора и гроссмейстера, Георг Шнитценпаумер фон Зоннег и Георг фон Эльтц, в Вене и Кенигсберге уже обсуждали проекты будущего альянса с привлечением Дании и России.

А тем временем вскоре по возвращении великий князь Василий Иванович стал готовиться к следующему походу. Вести о заключенном союзе Литвы и Крыма вынудили русское командование выделить силы для борьбы с татарами. К марту на Туле, «береженья для», была сосредоточена рать кн. А.В. Ростовского в составе пяти полков (12 воевод), на рубежи Угры вышла рать боярина Михаила Ивановича Булгакова-Голицы³⁸ (6 воевод). Позже из ее состава были выделены силы («ис тех воевод послал князь великий в Стародуб») в помощь к отбивающимся от крымчаков вассалам — Василию Шемячичу и Василию Стародубскому.

В русских источниках сведений о нападениях татар в это время нет. 29 июня 1513 г. Сигизмунд поделился новостью с Николаем Каменецким, воеводой Краковским: «Мы получили послание воеводы Киева, который пишет нам, что армия татар совершила набег на территорию врага нашего Московита около Брянска, Путивля, Стародуба, и татары Анадрамана произвели там большое опустошение»³⁹. В другом послании Сигизмунда I хвалит воеводу Юрия Радзивилла за то, что тот «с князем Адрагманом ходил сам своею парсоною в землю того неприятеля нашего Московско[го]» и вместе с татарами разорили территорию под Новгородом Северским, Радогощью, Стародубом, Брянском, а затем «со всеми людьми в целости вышол»⁴⁰.

По-видимому, набег был скоротечный, поскольку вскоре крымские татары ушли поживиться в Валахию, что никак не поме-

шало русской армии двинуться к литовским рубежам.

Местом сбора главных сил был назначен Боровск, в сторону которого выдвинулся государь. В сторону Смоленска Василий Иванович «наперед себя послал воевод своих, боярина и воеводу своего князя Ивана Михайловича Оболенского Репню, да окольного своего Андрея Васильевича Сабурова, да иных своих многих воевод со многими людьми»⁴¹. Согласно Разрядной книге, 17 июля эта передовая рать из одиннадцати отрядов поместной конницы (11 воевод) и одного отряда служилых татар выдвинулась к литовской границе⁴². Рать князя Репни Оболенского подошла к Смоленску «и оступиша град». Вперед обычно отправляли еще и артиллерию, так что вполне возможно, что в этой группировке еще была и артиллерия. Затем 11 августа выступили главные силы, которые соединились с передовой ратью. Всего осадная рать государя Василия Ивановича насчитывала 11 главных воевод и еще 6 «воевод с людьми». Формировавшаяся в Великих Луках рать под командованием В.Шуйского (всего 8 воевод) направилась к Полоцку⁴³.

Под стенами смоленской цитадели на встречу русским воеводам за городской вал в поле с нагорной стороны вышел сам наместник Юрий Глебович, а также «князи и бояре Смоленские и гетманы жолнырьские с желныры». Как оказалось, напрасно: в ходе боя «смоленских людей многих побили, а иных князей, и бояр, и желнырей живых, переимав многих, послали в Боровек к великому князю».

Русская артиллерия была обеспечена позициями для стрельбы, а сам город был обложен. Государь Василий Иванович появился перед Смоленском 11 сентября, «и граду Смоленску великие скорби и бои пушками и пищалами по многу дни сотвори». Однако обстрел ничего не дал: как писал летописец, «и что разобьют днем, а в нощи все зделают».

О второй осаде Смоленска сохранилось весьма тенденциозное сообщение под названием «Новое известие о Литве и Московитах». Анонимный автор, по его признанию, получил письменные сведения от короля «и других знатнейших при дворе лиц».

Согласно донесениям осады, во время которой «московит» «безпрерывно штурмовал день и ночь», длилась четыре недели и два дня. Перед крепостью было расставлено «до двух тысяч штук пушек (buchsen), больших и малых, чего никогда еще ни один человек не слыхивал. Все это ему отлили итальянцы и немцы, между ними большое орудие, заряжающееся двумя снарядами: одним каменным и одним железным ядром»⁴⁴. Позже Сигизмунд Герберштейн упоминал в Москве «очень большую пушку», которая могла разрушить «и свод, и стены ворот»⁴⁵. Вероятно, в осаде могла принимать участие либо гигантская мортира Паоло да Боссо 1488 г., либо же одна из бомбард, отлитая немецкими мастерами в начале XVI в.

Иоасафовская летопись отмечает: «... князь великий пушки повеле уставити и по граду из пушек и пищалей повелел бити по многи дни, и стрельницу Крышевскую разбиша и града Смоленска людем многие скорби нанес»⁴⁶. После жестоких обстрелов, по сообщению анонимного источника, в крепости якобы нашли 700 ядер. Помимо артиллерийского обстрела, пишет автор донесения, «коварный Московит» использовал и нестандартные способы осады: «он имел более 400 живых кошек, которых с привязанным огнем пустил в крепость, точно также пытался посредством летающих голубей внести огонь в крепость: все это не помогло»⁴⁷.

В отличие от первой осады Смоленска, воеводы не испытывали крепость штурмом — в русских источниках о какой-либо неудачной атаке сведения отсутствуют.

По словам самого Сигизмунда, полоцкая цитадель была якобы обложена 20 000 врагов, а Орша — 14 000⁴⁸. Чуть ниже этого послания внесена заметка: «Моски обложили Полоцк и Смоленск с полутора тысячами орудий, из которых помимо других снарядов, уже более 500 огненных ядер было выпущено по Смоленскому замку».

Анонимный автор «Нового известия о московитах» распределяет русские силы следующим образом: якобы большое войско «более 80 000 человек» стояло под Смоленском, перед Полоцком — 24 000, у Витебска — 8000». Автор «известия» неоднократно и сознательно прибегает к гиперболе, для

того чтобы позже показать значение одержанного успеха. Двумя последними отрядами, по сведениям анонимного автора «Нового известия», командовал кн. М. Л. Глинский. Но разрядные данные этого не подтверждают: ратью, направляемой под Полоцк, как известно, руководили кн. В.В. Шуйский и М. Кислица. Обращает на себя внимание неоднократно повторяемая цифра в 80 000, которая является неким «стереотипным стандартом» численности русской армии в польско-литовских источниках.

Сам король, по его собственному признанию, не на шутку встревожился, когда получил сведения о том, что «войско татар, которое должно было идти на помощь против москвов, вдруг прошло вдоль московских границ и переправилось через Днепр». К счастью для короля, «союзники» не пошли в Литву, а ушли опустошать Валахию⁴⁹.

Все перечисленные сведения о размерах русских войск многократно преувеличены. О том, что это были небольшие отряды, игравшие на данных направлениях вспомогательную роль, свидетельствует Устюжская летопись: «А в загон ходили под Оршу, под Мстиславль, под Кричев, под Полотск, полону бесчисленно, а города не взяли ни одного»⁵⁰. Загоном в разрядах назывались небольшие мобильные отряды, действовавшие на оперативных просторах для разведки, захвата языков и разорения территории, в том числе и для отвлечения внимания противника от объекта главного удара. Такой мобильный отряд в принципе не мог насчитывать нескольких тысяч всадников.

Как и в первую осаду, Литва не сразу отреагировала на новое нашествие. Почти за девять месяцев войны с литовской стороны не было сделано никаких существенных мероприятий по усилению обороноспособности и не были приняты кардинальные решения по активному противодействию агрессивному соседу. Сигизмунд Казимирович в письме от 1 сентября 1513 г. жаловался краковскому епископу, что «литовцы из страха, паники, похоже, неспособны защитить себя своими силами», а «солдат, которых обычно нанимают для защиты от внешних врагов, мы не можем себе позволить из-за [недостат-

ка] времени»⁵¹. Политика противодействия русским вторжениям велась в традиционном ключе: Сигизмунд по-прежнему надеялся на то, что крымские татары, в соответствии с договоренностями, своими вторжениями отвлекут значительные силы русских и что стойкость гарнизонов восточных крепостей (Смоленска, Мстиславля, Витебска, Орши, Полоцка) позволит выиграть время для сбора войск. Определенные надежды в 1513 г. были также и на помощь ливонцев и тевтонцев. Но мы видим, что сама оборона границ ВКЛ была неудовлетворительной: денег на войну не хватало; шляхетское ополчение (посполитое рушение), несмотря на внешнюю угрозу, не собиралось; дисциплина в войсках низкая; крымский союзник, несмотря на договоренность, войну против Василия не начинал; крестоносцы своих обещаний не выполняли.

Ливонский магистр по-прежнему гнул свою линию. Он выступал решительно против «московитов», но с условиями предоставлений со стороны польского короля определенных преференций и уступок⁵². Хотя уже к этому времени стало понятно, что гроссмейстер придерживается совершенно противоположных взглядов. Но два магистра были едины в одном — пока Сигизмунд погряз в проблемах с «московитами», можно было открыто выдвигать свои претензии Польше.

Что в это время делает Сигизмунд? Из Польши король прибыл только 27 июня. В Мельнике и Вильно на совещаниях с панамирадой было принято решение нанять «служебных» из 10 000 конницы и 2000 пехоты⁵³. Но денег в казне не хватало, удалось нанять лишь четвертую часть от планируемого числа. Среди тех наемников, кого удалось нанять в октябре, были Януш Сверчовский и Якуб Сецигновский со своими отрядами. Через год эти лица примут активное участие в «Великой битве» под Оршей. В сентябре 1513 г. вновь поднимался вопрос о выплате Менгли-Гирею по прежнему договору 15 000 злотых и открытии со стороны Крыма боевых действий против Василия⁵⁴.

Для деблокады литовских городов в Вильно в срочном порядке стала формироваться войсковая группировка под командованием князя Константина Острожского. Король по-

ручил немцу Яну Спергальдту, командиру отряда королевской хоругви, возглавить отряд пехотинцев из 500 чел. и отправиться на помощь смоленскому гарнизону. Опытный Спергальдт, ветеран польских войн 1487–1509 гг., однако, не сумел пробиться к городу. Вместе с отрядом кавалерии Януша Сверчовского в 2000 чел. он составил наемный контингент, влившийся в формировавшуюся армию кн. К.И. Острожского из 8000 «посполитого ружения»⁵⁵. В конце сентября литовские войска выступили из Вильно. Противники распускали слухи о мощи своих армий. Так, в армии короля якобы «собралось около 40 тысяч; он

имел хорошее войско и отпустил его с Богом в поход, снабдивши (свое войско) хорошим порядком»⁵⁶. Численность литовской армии, как видим, была завышена раза в четыре.

В актах королевской канцелярии сохранилось письмо епископу Вармийскому Фабиану еще от 20 июня, которое король закончил следующим предложением: «Ваше Преосвященство, сегодня принесли нам приятную новость, что с помощью Божией воевода Киевский разбил пять тысяч москвитов»⁵⁷. Итак, Сигизмунд пишет о каком-то крупном военном столкновении, хотя по русским сведениям каких-либо значительных сил в районах приграничья не было еще почти месяца. Да и польско-литовские войска в июне только-только начали собираться. Скорее всего, имела место какая-то «школа» одного из небольших отрядов приграничного уезда (воз-

*Битва европейцев с мусульманами.
Гравюра XVI в. (Гравюра из книги Александра
Гваньини 1578 г.)*



можно, от Василия Шемячича), численность которого была, по обыкновению, на словах увеличена в несколько раз. Вплоть до августа никаких сообщений о стычках в «эпистолах» короля более нет.

Первые серьезные бои с полевыми войсками начались не раньше осени. Анонимный автор «Новых известий» пишет, что 4 октября «в день святого Франциска московиты были разбиты и прогнаны перед Витебском»⁵⁸. В письме Сигизмунда говорится лишь о вылазке: «Литовцы с Витебска в день святого Франциска на рассвете атаковали и пятьсот москвов перебили»⁵⁹.

Русский отряд под Витебском, атакованный литовцами, был вынужден снять осаду и соединиться с главной армией. Также псковско-новгородская рать, блокировавшая Полоцк, не втягиваясь в полевые бои с приближающейся армией кн. К.И. Острожского, отступила для соединения с главными силами «октября в 26 день, на Дмитриев день».

Острожский двинулся на Борисов и Друцк, а затем под Оршу, вынудив отступить из-под нее передовые отряды русских. Уловка с преувеличением сил короля и несколько успешных стычек сделали свое дело. На этот раз настораживающие вести о приближающейся литовской рати побудили государя снять осаду Смоленска, укрепления которого во второй раз оказались «не по зубам» русской армии. Для организации осады требовались более крупные силы. В итоге армия вынуждена была отступить. Великий князь «наряд весь отослал к Москве, а сам после пошел, погода мало, не учинив ничтоже». По словам немецкого осведомителя, среди смолян «погибло не много более тысячи человек», а противник якобы потерял «в своих сильных штурмах более 20 000 человек»⁶⁰. Однако на самом деле русская армия, несмотря на две неудачные осады, в которых «силы пало с обе стороны», сохранила свои резервы, и уже через три месяца началась подготовка третьего похода на Смоленск. Обратим внимание: на сбор войск и подготовку нового похода у великого князя ушло всего три месяца — срок для соседней Литвы казался невозможно коротким для укрепления обороны...

Две осады одновременно обнажили недостатки противоборствующих сторон. Русским не хватало сил и средств разделаться с крепкой цитаделью до прихода деблокирующей литовской армии. Попытки штурмом взять город оканчивались плачевно, а затягивание осады грозило появлением в окрестностях Смоленска свежего литовского войска. Русская армия, несмотря на две неудачные осады, сохранила свои резервы, чтобы уже через три месяца начать подготовку к новому походу на Смоленск, с учетом допущенных ранее ошибок.

Пассивные действия литовских властей приводили к тому, что противник спокойно наращивал свои силы и безнаказанно вторгался в Литву. Литовцы начинали сборы войска только тогда, когда враг был уже на их территории, и распускали силы сразу после его отступления: на содержание армии и ответные акции не хватало ни сил, ни средств. Для противоборствующих сторон стало очевидным, что последующие военные годы принесут немало неприятных сюрпризов, и что война может затянуться до истощения людских и материальных ресурсов. События 1513 г. вызвали серьезный интерес у соседей. Сигизмунд Старый в войне с Москвой сделал основную ставку на привлечение крымских союзников. Священная Римская империя германской нации наметила первые подходы к дипломатическому сближению с Россией в борьбе против Ягеллонов. На диалог с Москвой был нацелен и гроссмейстер Альбрехт Бранденбургский, втайне также обдумывавший создание антиягеллонской коалиции. Определенные разочарования у него вызвала позиция Ливонии. 6 декабря 1513 г. в письме мемельскому комтуру гроссмейстер выражал серьезные опасения, что «магистр Ливонии имеет намерение совместно с королем Польши противостоять московитам». Российский государь Василий Иванович в своей политике был прямолинеен — он был твердо уверен в том, что Смоленск все-таки будет взят.

После отступления армии Василия III смоляне тут же принялись чинить и укреплять стены и валы своих замков. Литовская казна нашла дополнительные средства на закупку боеприпасов и крепостных орудий в Гданьске и Кракове.

В начале 1514 г. Полоцк был усилен соколом, приграничная крепость Кричев — десятью, а Дубровна — тремя гаковницами*. Хорунжий Михаил Бася с отрядом виленских татар доставил несколько телег в Смоленск. Артиллерийское вооружение города пополнилось 100 гаковницами, 5000 ядрами к ним, порохом⁶¹. Древо-земляные укрепления были существенно подновлены.

Сигизмунд учел прежние ошибки предыдущей кампании 1512–1513 гг., когда сбор армии шел очень медленно. На Петроковском сейме в начале 1514 г. был утвержден набор «служебных» на деньги, которые выделялись казной. Еще одно постановление, принятое на сейме, касалось строгих мер в отношении уклонистов от военной службы⁶². Вместо Юрия Глебовича на должность смоленского воеводы назначен Юрий Сологуб, ранее (1503–1507 гг.) уже руководивший крепостью. Мера эта, как считали позже, оказалась неправильной: боевого коменданта Смоленска, сумевшего организовать оборону во время двух осад, сменил человек, не имеющий достаточного опыта обороны города. Сологуб 9 апреля на смоленской площади в присутствии владыки Варсонофия торжественно обещал «замок Смоленский на себе держати» и «боронити»⁶³.

Кроме того, опасно было бы вести войну без союзников. Поэтому 2 февраля 1514 г. с крымским ханом Менгли-Гиреем были заключены очередные соглашения, по которым последний должен был отправить войско на опустошение российских окраин. То ли русские дипломаты опередили литовцев, то ли хан не хотел войны с соседом, но крымский царевич Адрагман выдвинулся к южным рубежам России и... встал с войском в ожидании дальнейших распоряжений от Менгли-Гирея⁶⁴.

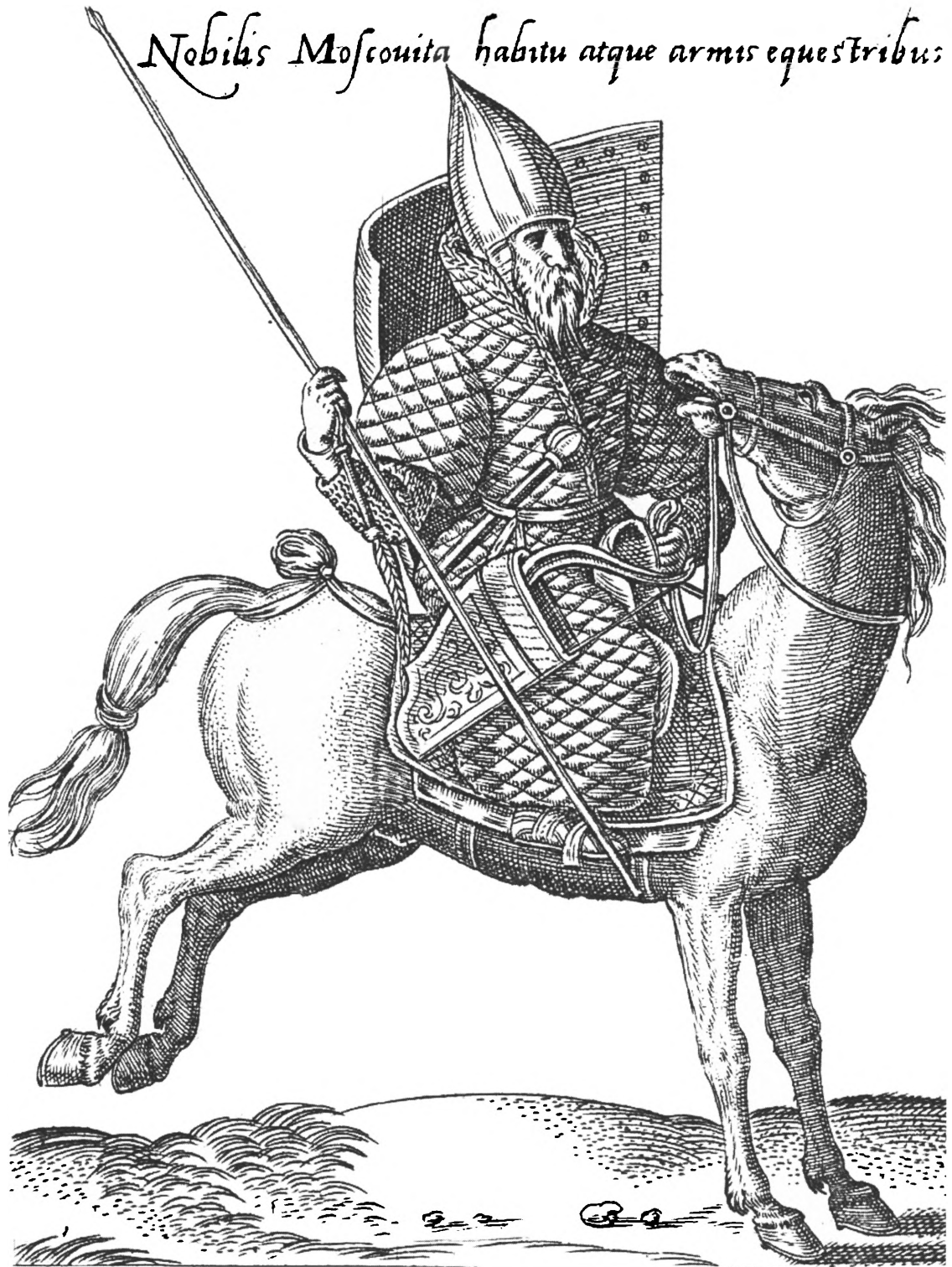
А между тем не прошло и трех месяцев, как в третий раз русское войско выдвинулось в поход. В середине апреля со стен Смоленска жители и гарнизон вновь увидели

передовые части русской армии. Первым к крепости подошел Передовой полк из 1000 всадников под командованием князя Михаила Глинского. Глинский не мог с такими незначительными силами осадить город — отрядом были перерезаны сообщения, а с осажденными начались переговоры, ибо князя в городе хорошо знали. В 1530-х гг. секретарь королевы Боны Сфорца Станислав Гурский, составляя описание войны «В год Господень 1514-й», вложил в уста князя Михаила Львовича следующие слова, будто бы высказанные в ходе переговоров смолянам: «Витольд (Витовт. — А.Л.), великий князь Литовский, силой отторг замок у Московской земли, и было бы выгодно и справедливо отделиться члену от чужого тела и присоединиться к своему... бояре и знатные мужи, коренные жители и уроженцы Смоленской земли — московского рода и одной с ними религии, которая является для разделенной внутри себя нации великой связью, и надо для благожелательства и общности вернуться к своим братьям и родичам ...При долгом отсутствии короля нагрянет прусская война с германцами и цезарем, а литовцы немногочисленны, невоинственны и неравны силами для сопротивления Москве, и лучше бы своим собственным решением добровольно передаться в господство Москвы, чем подвергаться превратностям судьбы»⁶⁵.

Вслед за кн. М. Л. Глинским к городу вскоре показались более крупные части под командованием кн. Бориса Ивановича Горбатов, кн. Михаила Васильевича Кислова-Горбатов и боярина Ивана Андреевича Челядина: «Они же, пришед, град оступили». Дата полного обложения крепости устанавливается по сообщению королевской окружной грамоты, сообщавшей, что «люди неприятеля нашего Московского, пришедши под замок наш Смоленск, по святом Николе о тыждень, замок наш облегли»⁶⁶, т.е. Смоленск был окружен 22 мая (день св. Николая).

В составе главной группировки из 12 командиров соединений было 7 бояр, что свидетельствовало о достаточно крупных силах, стянутых под Смоленск. Помимо этого, для усиления осадной армии в Туле воеводам кн. Ивану Михайловичу Воротынскому и кн.

* Гаковницы (в Московском государстве — затинные пищали) — небольшие пищали, крепостные ружья калибром до 1 фунта, которые имели как — крюк для удобства стрельбы со стен.



Знатный «московит».

Гравюра Абрахама де Брейна 1577 г. из альбома «*Diversarum gentium armatura equestris*» (1577)

Ивану Семеновичу Семейке Ярославскому, Андрею Никитичу Бутурлину и Григорию Фомину сыну Квашнину велено сформировать еще один корпус и направить его к Дорогобужу⁶⁷. На второстепенное направление — под Оршу — из Великих Лук 7 июня направилась новгородско-псковская рать боярина и воеводы кн. В.В. Шуйского (10 воевод, 5 полков).

На этот раз с осадой крупной крепости было решено покончить раз и навсегда. Но хотя под Смоленск были стянуты большие силы и средства, все же часть войск решено оставить на Туле (10 воевод в 5 полках) и на Угре (3 воеводы)⁶⁸ во избежание татарской угрозы.

С главной армией к Смоленску прибыла артиллерия. Ее сопровождали европейские специалисты огнестрельного дела. Под руководством иностранных инженеров были возведены артиллерийские батареи, с которых начался обстрел крепости. Сам великий князь для руководства осадой выехал из Москвы 8 июня.

По свидетельству летописцев, именно артиллерийский обстрел, когда «земля колебаться... и весь град в пламени курения дыма мняшесь въздыматися ему», похоронил надежду на спасение литовского гарнизона: «И повеле князь велики пушкарю Стефану пушками город бити июля в 29 день в субботу, на 3-м часу дни, из-за Днепра. И удари по городу болшею пушкою. И лучися на городе по их пушке по наряженной ударити, и их пушку розорвало, и много в городе в Смоленску людей побило... на шестом часу дни тот же Степан ту же пушку пустил, и много ядер мелких собра, и окова свинцем, и удари в другой. И того боле в городе людей побило...». Для второго выстрела пушкарь Стефан использовал несколько небольших ядер, окованных свинцовыми полосами. В полете крепления разрывались и туча железных, каменных и свинцовых шаров накрывала противника. «И князь велики повеле ударити в третьи, и того боле людей побило в городе». Защитники крепости во главе с комендантом Юрием Сологубом начали переговоры о прекращении огня, но Василий Иванович был непреклонен. Условием прекращения бом-

бардировки могла быть только капитуляция: «и повеле бити пушками многими отвсюду».

После продолжительной осады 30 июля 1514 г. гарнизон и жители решили сдать крепость. Дату капитуляции источники называют разную — то 30, то 31 июля.

Решающую роль в капитуляции сыграла тактика чередования переговоров с массовой бомбардировкой. Как отмечено в разведдонесении от 3 сентября 1514 г. мемельского комтура Михеля фон Швабена, «Московит с большой силой подошел к Смоленску и там же произвел сильный обстрел из пушек, которым он сразу сильно пробил и разрушил с одной стороны Смоленский замок, так что бывшие в замке не могли дальше держаться, и отправились к Московиту [со словами], что он должен прийти и взять замок...»⁶⁹.

Польские хронисты еще в XVI в. дали развернутый ответ на вопрос, почему такая мощная и «доблестно защищаемая крепость» капитулировала перед «Московитом», и почему смоляне предпочли сдаться, а не защищать город до конца. По сообщению С. Гурского, великий князь «военными машинами и огненными ядрами не смог ни взять, ни изгнать гарнизон, который деятельно защищался, то отказался от осады и обошел с войском окрестности, и все встречное опустошил огнем и разграбил и вновь вернулся к осаде замка». В ходе переговоров князю Михаилу Глинскому якобы удалось переманить «префектов великими уговорами и еще большими обещаниями»⁷⁰. По Герберштейну, Василий Иванович овладел крепостью «после измены воинов [и начальника, одного чеха]...»⁷¹.

Надо отметить, что европейские источники слишком преувеличивают роль переговоров кн. М. Л. Глинского с защитниками⁷². Князь появился перед стенами в апреле и почти три месяца вел переговоры. Артиллерия же громила укрепления в июле, т.е. после того, как переговоры не дали результатов.

Сам король Сигизмунд признавал, что город имел все необходимые ресурсы для обороны и «пребывал в непоколебимой верности», но сдался он «из-за гнусной измены кое-кого из наемных войск и местной зна-

Moscouita cum armis equestribus.



Der Moscouiten reüter mit seyn kriegs waffen.

Конный москвитин со своим оружием. Гравюра XVI в.
Гравюра Абрахама де Брейна из альбома «Diversarum gentium armatura equestris» 1577 г.

ти»⁷³. Действительно, в начале 1514 г. были проведены тщательные оборонительные мероприятия по укреплению города фортификационными сооружениями и орудиями. Обоз с боеприпасами и артиллерией накануне осады доставил в Смоленск хорунжий М. Бася; истерзанные в 1512–1513 гг. артиллерией башни и стены были подновлены. В целом вину за измену хронисты возлагали на «лицемерный в вере род рутенов» (*in fide lubrica Rutheni*), который «предал замок врагу», единственному «Московиту»⁷⁴.

Но из анализа источников выявляется не одна, а целый комплекс причин капитуляции крепости. С одной стороны, это отсутствие помощи извне, плотная блокада и сильная бомбардировка крепости. Осада показала, что король ничем не может помочь городу, что все пункты жалованных грамот (привилеев) в условиях непрекращающейся войны и длительных осад теряют свою силу, что чаша весов в противостоянии склоняется в сторону сильного восточного соседа и что государь Василий Иванович никогда не отступит от своих намерений присоединить «смоленскую отчину» к своим владениям.

С другой стороны, согласие Василия III на подтверждение всех прежних прав и введение новых преференций смолянам послужило серьезным соблазном сдать крепость на милость победителя. Второй год войны многим показал, что «великий князь Московский» имеет значительные ресурсы для воплощения своих целей. Жители, конечно же, очень дорожили своими правами и льготами, которые Смоленск получил при королях Александре и Сигизмунде, мало того, они были готовы защищать их с оружием в руках, но вполне естественным было их желание, чтобы все их права применялись на деле, а не были просто красивыми словами в жалованных грамотах. Те свободы и вольности, обещанные королем, которыми так дорожили жители Велико княжества Литовского, часто оказывались пустым звуком на деле. Выданные привилеи не могли фактически огородить жителей от посягательств как державцев, так и наемников, которые продолжали грабить население с «бесчеловечной жестокостью». «К грабеджам и жестокостям побуждает власти частью

королевская бездеятельность, частью то, что на все это сквозь пальцы смотрит король, который тяготится расследовать истину путем розысков, и если и посылал он кого-либо для расследования, то следователей державцы подкупали и те правды королю никогда не говорили и объявляли, что верх несправедливости, потерпевших виновными. Вот почему люди, с которыми так дурно поступает власть королевская, так легко переходят на сторону московского государя», — писал один из современников⁷⁵.

В истории трех осад мы наблюдаем значительные изменения в поведении горожан — от желания «рыцарски обороняться, терпеть нужду от врагов» до момента «бить челом великому князю». Позиция смолян в период 1512–1514 гг. не была твердой и менялась в зависимости от военной обстановки и соотношения сил на русско-литовском фронте. Тот факт, что горожане, помимо грамоты «всей Смоленской земле», были пожалованы еще дополнительными льготами — отдельной грамотой «мещанам Смоленским», определенно свидетельствует в пользу версии о весомой роли городских слоев в сдаче Смоленска. В то же время мы знаем многочисленные примеры из истории, когда судьба города зависела не от желания горожан обороняться или капитулировать, а от позиции размещенного в цитадели военного контингента. Поэтому немалую роль в сдаче Смоленска сыграл также и гарнизон. Известно, что в городе весной 1514 г. был размещен наемный контингент под командованием «одного чеха». С ним князь Михаил Глинский также вел переговоры. Этот момент отмечен и С. Герберштейном, и С. Гурским, и Й. Децием, и М. Стрыйковским, и Б. Ваповским, и другими хронистами. Поскольку горожане в третий раз не желали стоять до конца (к этому также склонялась городская верхушка), то профессиональным воинам ничего не оставалось, как подчиниться воле смолян, тем более что перед наемниками открывался свободный выбор: «которые похотели служити великому князю, и тем князь великий велел дать жалование по 2 рубля денег да по сукну по лунскому и к Москве их отпустил. А которые не похотели

служить, а тем давал по рублю и к королю отпустил. А к великому князю князей, и панов, и жолнырей многое множество служители (отъехали — А.Л.)»⁷⁶.

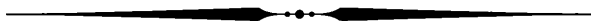
Государь Василий III Иванович 1 августа в окружении своего двора въехал в город.

С капитуляцией Смоленска перед русскими войсками открылась перспектива захвата «днепровского рубежа». 7 августа к Мстиславлю двинулась рать кн. Михаила Даниловича Щени (Щенятева) и кн. И.М. Воротынского. В составе войска находились «князья и бояре смоленские», которые, очевидно, должны были увещевать своих бывших соплеменников о переходе на службу Василию Ивановичу. Князь М.И. Мстиславский «их встретил и бил челом, чтобы государь князь великий пожаловал, взял его к себе в службу с вотчиною (Мстиславским княжеством — А.Л.),

да и крест воеводам на том целовал со всеми своими людьми»⁷⁷.

Через пять дней присягнули на верность Кричев и Дубровна. Если эти города сдались при первом появлении русских всадников, даже не пытаясь сопротивляться, как в прежние годы, то Орша держалась против воевод с мая по сентябрь. Это может объясняться тем, что гарнизон Орши был усилен наемниками Спергальдта, а в трех других городах «жолнеров» не было.

Итак, «днепровский рубеж» был взят. Русские отряды — «загоны» перешли Днепр и гребенкой двинулись к друцким полям, занимаясь привычным в условиях средневековой войны делом — разорением территории противника. Но далее события стали развиваться по непредвиденному русской стороной сценарию...





НА ДНЕПРОВСКОМ РУБЕЖЕ

Линия обороны Литвы от восточного соседа опиралась на ряд крепостей: Орша, Мстиславль, Дубровна, Кричев, Речица, Мозырь. Центром этой оборонительной линии был Смоленск, на который и были направлены все три государевых похода. Но важное значение имели также другие крепости на Днепре, служившие плацдармами для угрозы тылам осадной армии противника под Смоленском. Поэтому для блокирования гарнизонов этих крепостей были отправлены несколько сотен поместной конницы. Под стенами днепровских цитаделей в первой половине 1514 г. происходили первые стычки противников.

Известна окружная призывная грамота Сигизмунда от 24 мая 1514 г. о выступлении в поход на помощь Смоленску, в которой указывалось, чтоб все «были наготову на службу нашу на войну, и держали кони сытыи и зброи чистыи»⁷⁸. В листах отмечался и срок, к которому должно прибыть ополчение: «...каждый со своим поветом, тогож часу, ничого не мешкаючи на кони воседали и до Менска тягнули, на рок, на день святого Ивана»⁷⁹. День св. Иоанна Предтечи — это 24 июня. Листы касались «до князей, землян, бояр и панов» большинства поветов. Сам король выехал к месту сборов «месеца июля двадцать второго дня в субботу за неделю перед спасовыми запусты»⁸⁰. До этого на совещании с панами-радами было принято решение оперативно направить «к замкам украинным» полторы тысячи «коней».

Под Мстиславлем, Друцком и Оршей литовцам зачастую удавалось рассеивать русские отряды («загоны»), но противопоставить главным силам «московитов» им было нечего.

Когда еще только начались мероприятия по сбору посполитого ружения, король уже по-

спешил 31 мая уведомить хана Менгли-Гирея о первых успехах литовского оружия. Как стало известно, пишет король, что «великий князь Московский люди свои под замок наш Смоленск прислал», то тут же якобы все паны «на конь всели» и на «неприятелеви потягнули». К Орше был отправлен передовой отряд («наперед отправили есмо некоторую суму войска нашего, которыи ж люди наши на Ръши (Орши. — А.Л.) положилися»⁸¹), которому удалось разбить передовой отряд «неприятеля нашего московского», численностью якобы в 2000 чел.⁸² Самое интересное, что в письме перечисляются имена убитых московских воевод: «Василя Ивановича Шадрина, а Игнатя Салтыкова, а Андрея Ивановича, и инъших многихъ языков поимали». Среди томицианских бумаг сохранилось письмо Перемышльского епископа, написанное между 12 и 23 апреля, в котором говорится о планах направить к Смоленску пятисотенный отряд «служебных» под командованием Спергальдта. Если Спергальдту не удастся пробиться в город, писалось в послании, он должен будет засесть в Орше и оттуда делать вылазки на врага⁸³. Во второй половине мая наемники уже были под Оршей. Никаких других крупных военных отрядов в это время там не было. Таким образом, русский отряд разбили наемники, только что прибывшие к месту службы. Сам по себе этот факт не вызвал бы большого удивления, если бы не одно обстоятельство: в документах упоминается «Спергальдт с пехотой», т.е. говорится только о пеших воинах. Сложно понять, каким образом пехотинцам-«драбам» удалось нанести ощутимые потери конным подразделениям. Возможно, в лесистой местности близ Орши была сделана засада либо же беспечных всадников захватили в одной из деревень.

На самом деле успехи передовых королевских отрядов были значительно скромнее. Был разбит один из «загонов», отправленных под Оршу с разведывательной целью. Воеводы, упомянутые в письме, занимали низкий ранг в иерархии (на вторых и третьих местах). Воевода В.И. Шадрин ранее упоминается в полку Правой руки малой рати на Вошанах, а затем в тульской армии вторым воеводой в Сторожевом полку⁸⁴. Упомянутый Игнатий Салтыков не был ни убит, ни пленен: в 1514 г. он действительно числился как второй воевода Правой руки в рати кн. Б.И. Горбатого и М.Ю. Захарьина⁸⁵, отправленной к Мстиславлю. Но в 1519 г. его имя упомянуто в числе воевод Передового полка, шедшего на Витебск⁸⁶. Андрей Иванович — это, очевидно, тот самый «князь Андрей Иванов сын Палецкий», который упомянут в литовском реестре пленных как пойманный «под Смоленском»⁸⁷. Конечно, крымскому хану имена убитых воевод ничего не говорили — Сигизмунд привел их для иллюстрации значимости победы, не задаваясь вопросом о знатности командиров. Либо Сигизмунду принесли ложные сведения о гибели командиров русских отрядов, либо он сознательно преувеличил, просто обозначив как убитых имена известных по разведсводкам воевод.

После одной из стычек к Сигизмунду был прислан знатный пленник «на имя Ратая Иванова сына Ширавеа»⁸⁸. В ходе расспроса (не без применения пытки) Ратай рассказал о переписке Василия Ивановича с ногайскими татарами с целью якобы нападения на Крым.

В письме от 26 июля Сигизмунд пишет о еще одной победе: «Князь Мстиславский выиграл славную победу, разбив и пленив более трех тысяч московитов, напавших на его владения»⁸⁹. Опять же более чем сомнительной выглядит победа над 3000 «московитов» роты «служебных» и несколько сотен обороняющихся жителей Мстиславля. В актах Литовской Метрики есть жалованная королевская грамота мстиславскому князю Михаилу Ивановичу Жеславскому, датированная 29 декабря 1514 г. В ней нигде не упомянута в качестве заслуги победа над «московитами». Наоборот, говорится о том, что «бояре его и люди мстиславские ему к обороне помочи бытии не хотели»⁹⁰.

Анализируя «томицианские акты» и акты Литовской метрики, можно заметить интересную деталь: Сигизмунд постоянно уверяет свих адресатов в том, что его армия уже вот-вот соберется, что уже посланы передовые полки, которые уже добились ряда значительных успехов, и что в ближайшее время ожидается деблокирующий Смоленскую крепость удар. Явный политический окрас таких посланий вынуждает историка постоянно перепроверять содержащуюся в письмах информацию. Мы видим типичные бахвальные королевские речи в ситуации, когда обороноспособность ВКЛ оставляла желать лучшего. Московские войска безнаказанно осаждают Смоленск, их отряды хозяйничают у Друцка, Минска, Борисова, Орши и Мстиславля. Тем не менее небольшие стычки с русскими «загонами» возводились в ранг значительных военных достижений.

Однако к 31 июля все тактические победы над отдельными отрядами «московитов» в конечном итоге были нивелированы поражением стратегического масштаба: с падением Смоленска, а также с последующими капитуляциями крепостей Мстиславля, Дубровны и Кричева образовалась зияющая дыра, в которую могли хлынуть московские отряды. Но для захвата большой территории от Днепра до Друи и Березины нужны были значительные силы, а их у великого князя Василия III не было. К тому же на Днепре оборонялась Орша, гарнизон которой был усилен наемниками. Первоочередной задачей перед воеводами стояла защита днепровского рубежа. На друцкие поля были отправлены отряды, которые, помимо разорения территории, занимались сбором разведывательной информации. Уже меньше чем через месяц, в конце августа, произошли первые стычки с наступавшим польско-литовским войском, а 8 сентября состоялась битва, в которой русская полевая армия была разбита.

Русская армия под Оршей

Количество русской конницы в сражении — один из основных вопросов Оршанской битвы. Многочисленные рассуждения на данную тему продолжались и продолжают

трудах как отечественных, так и зарубежных историков. Причина этого явления достаточно проста: при отсутствии документальных свидетельств и крайней скудности источниковой базы исследователи часто «вынуждены» обра-

щаться исключительно к нарративным свидетельствам, а они, как известно, в большинстве случаев грешат завышенными показателями. Битва под Оршей не стала исключением в информационно-пропагандистском поле XVI в. Цифра «восемьдесят тысяч человек» (*ex octoginta milibus hominum*), обозначившая численность разгромленных врагов-схизматиков, впервые прозвучала в послании Сигизмунда I

Битва под Оршей.

Гравюра из книги Марциана Бельского 1564 г.



венцианской сеньории от 12 сентября, через четыре дня после сражения⁹¹. Позже эту цифру подхватили почти все европейские издания, хроники и летописи, а позднее растиражировали историки.

После взятия Смоленска государь «сам с силою надвигся к Дорогобужу, а многих князеи и воинов с силою постави от литвы по дорогам к Смоленску стерегучи». В сторону Орши двинулись несколько сводных отрядов «Литовские земли воевать»⁹². В начале июня в Великих Луках стала формироваться группировка из десяти воевод для похода к Орше, куда уже из-под Смоленска выдвинулся полк кн. М. Л. Глинского: «июня в 7 день послал князь великий на Луки Василья Сергеева сына Левашова. А велел с Лук Великих итти воеводам на Литовскую землю к Орше по полком...»⁹³.

Сформированная под командованием боярина кн. В.В. Шуйского великолуцкая армия не являлась крупным соединением. Об этом говорят назначения на командные посты. В условиях господства местничества было невоз-

можно, чтобы многочисленные полки возглавили незнатные головы и дворяне. Так, в полк Левоу руки в качестве товарища И.С. Колычева приказано вообще послать «сына боярского, кого будет пригоже». Это свидетельствует о том, что численность одного из соединений армии не могла превышать нескольких сот человек (простой «сын боярский» по статусу мог руководить сотней-другой воинов), а вся группировка, следовательно, могла насчитывать всего до 2000–3000 чел. Рать в Великих Луках набиралась с новгородско-псковских земель в то время, когда главная армия была уже под Смоленском.

Задача «великолуцкого» отряда — тревожить литовцев на оршанском направлении, а потом, в августе, соединиться с полком кн. М. Л. Глинского. Но на пути в Оршу, под Смоленском, произошли перемены как в командовании, так и в составе сил: расформирован Сторожевой полк, командующий великолуцкой ратью переведен на должность наместника: «а во граде оставил в Смоленске боярина своего и наместника князя Василя Васильевича Шуйского и воевод своих многих со многими людьми (выделено мной. — А.Л.)». Сохранился разряд новосформированной группировки, однако он дошел до наших дней явно не в полном составе: в нем отсутствуют соединения Ивана Андреевича Челядина и других воевод, которые подошли к Орше в первых числах сентября. С июня до сентября под Оршей количество воевод сократилось почти в два раза; был расформирован также Сторожевой полк. Численность небольшой великолуцкой рати, отправленной в июне 1514 г., в конечном итоге еще уменьшилась. Корпус М. Булгакова-Голицы и его брата, Дмитрия Ивановича Булгакова, разделившись на мелкие отряды-«загоны», действовал под Борисовом, Минском и Друцком.

После капитуляции Смоленска у Орши появился отряд кн. М. Л. Глинского. Перед этим у князя Михаила Львовича состоялся разговор с великим князем. Ливонский агент в своем донесении сообщает: «Несколько дней герцог Михаил (Глинский. — А.Л.) находился в замке, координировал все действия и владел замком, а затем снова поехал к Московиту и вел с ним разговор: «Милостливый великий

Битва под Оршей. Гравюра. 1515 г.



князь Московский, сегодня я дарю тебе Смоленский замок, которого ты долго добивался, что ты подаришь мне [в ответ]?» На это радостно [ответил] Московит: «Раз ты мне его даришь, я дарю тебе княжество Литовское и обещаю тебе, что моя голова не успокоится, пока я не доставлю тебя на место»⁹⁴. То же самое сообщает С. Герберштейн: великий князь «не исполнил своих обещаний, а когда Михаил напоминал ему об условии, только тешил его пустой надеждой и обманывал. Михаил был тяжело оскорблен этим»⁹⁵. Позже оскорбленный князь принял решение вновь перейти на службу литовцам.

Князь, так и не ставший наместником Смоленска, затаил обиду на Василия III и стал переписываться с Сигизмундом. Источники подтверждают версию о готовившейся измене — в них неоднократно говорится о сношениях кн. М. Л. Глинского с надворным маршалком Яроцким и с самим великим князем Литовским через агента Трепку и дворянина Юрия Ежовского, приезжавшего под Смоленск с дипломатической миссией⁹⁶.

В конце августа кн. М. Л. Глинский, предупредив Сигизмунда, решил бежать, поскольку надеялся, «что при содействии друзей, которые были у него тогда при дворе, легко сумеет вернуть его милость, он послал к королю одного верного человека». Король повелел выдать охранную грамоту, однако князь Глинский потребовал подтверждения у королевских советников, рыцарей Георгия Писбека и Иоанна фон Рехенберга⁹⁷. Но связанной князя был схвачен и с пытки рассказал о тайной переписке князя. До нас дошла интересная запись Архангелогородского летописца о поимке беглеца. Князь М.И. Булгаков-Голица «всед на борзо конь со всем двором и з детми боярскими великого князя» бросился в ночную погоню. Воевода с отрядом засел в засаде возле «приметного моста». «И бысть в четвертую стражу ноцы, оже князь Михайло Глинской едет один наперед своих дворян за версту. И поима его князь Михайло Голица со своими дворяны, а дети боярские великого князя, которые были... на стороже, и те перемали дворян Глинского»⁹⁸.

У князя Глинского нашли подметные письма, доказывающие его тайные сношения с Си-



Московский воин. Гравюра 1579 г.

гизмундом Казимировичем. После того как измена раскрылась, для русского командования стало очевидным, что в ближайшее время придет и сам Сигизмунд с крупным войском. Корпус Г.Ф. Давыдова и И.А. Челядина, выделенный великим князем из состава смоленской армии, должен был усилить рассеянную по территории противника группировку. Это войско прикрывало смоленское направление в то время, пока дворянские отряды собирались на Днепре. В распоряжении также содержался указ собрать рассредоточенные по литовской территории отряды на Днепре «и всем воеводам за собою идти»⁹⁹.

Несмотря на то что не сохранилось полковых воеводских росписей русских корпусов, сосредоточенных к сентябрю 1514 г. у Орши, все же существуют несколько методов определения численности войск.

В двух корпусах бояр и воевод И.А. Челядина и М.И. Булгакова-Голицы насчитывалось до 14–15 воевод. По разрядным книгам известно, что каждый воевода, в зависимо-

сти от ранга, руководил «головами», командирами «сотен», подразделений поместной конницы¹. К 1560-м гг. в полевых войсках в среднем на каждого воеводу приходилось по 4–5 сотенных голов¹⁰⁰. Вряд ли в начале XVI в. воеводы могли руководить бóльшим числом воинов, чем в годы апогея развития поместной системы. Если принять во внимание, что поместные «сотни» под командованием «головы» могли насчитывать от 100 до 200 чел., то примерные размеры объединенной оршанской группировки будут варьироваться от 7000 до 14 000 бойцов.

Помимо этого способа, есть другой, позволяющий выявить не только примерную численность, но и структуру армии. Первостепенное значение для реконструкции имеют списки русских пленных битвы под Оршей. Всего удастся насчитать 193 имени служилых людей, пленников Оршанской битвы. Привлекая методы статистического анализа, приведенное число можно рассматривать в качестве своеобразной выборки участников сражения с московской стороны. Важно отметить ее случайный характер. При беспорядочном отступлении после разгрома под Оршей пленниками становились разные лица, начиная от главных военачальников и заканчивая рядовыми детьми боярскими. Рассматриваемая выборка дает возможность определить состав русской армии.

В общем итоге по спискам пленных, родословцам и актовому материалу можно насчитать 18 территориальных групп поместной конницы, которые принимали участие в сражении. За исключением представителей нескольких знатных фамилий, выступавших, вероятно, в качестве воевод, среди пленников не удастся обнаружить выходцев из крупней-

ших групп служилых людей центра страны: Москвы, Переславль-Залесского, Юрьева, Ростова, Владимира, Ярославля, Белоозера и Рязанского княжества. Не были задействованы в этой битве, видимо, и удельные центры с развитым вотчинным землевладением: Дмитров, Кашин, Бежецкий Верх, Углич.

Значительное число пленников принадлежало к костромской (и соседней галицкой), а также муромской корпорациям. Удастся насчитать не менее 13 имен костромских детей боярских (6,7% от общего количества пленных) и 12 возможных муромцев (6,2%).

Полноценное участие в битве можно отметить всего для нескольких «служилых городов»: Новгород и Великие Луки, Кострома (с Галичем), Муром, Волок Ламский, возможно, также Тверь, Можайск и Коломна. В случае с новгородской, костромской, муромской и волоцкой группами можно предполагать наличие у них собственных воевод. В Оршанской битве они были представлены как дворовыми, так и городскими детьми боярскими по аналогии с организацией «ратей» удельного времени. Компактной группой в Оршанской битве был представлен Волок Ламский. Участвовали в этом сражении также отряды тверских, можайских и вяземских детей боярских. Определенное число пленных были выходцами из Боровска, Серпухова, Тарусы и Алексина, а также из удельных Брянска, Калуги и Ржевы Володимировой.

Группы представителей других корпораций отличались разрозненностью и были представлены небольшим количеством людей. Возможное представительство суздальцев, например, ограничивалось всего двумя именами (1,03% от выявленных пленных). Из них невозможно было бы сформировать полноценные воинские единицы и сохранять территориальную структуру. Скорее, служилые люди из разных «городов», в том числе удельных, были искусственно объединены без учета их территориальной принадлежности.

Разнообразие западных уездов, примыкающих к Смоленску, и почти полное отсутствие представителей многочисленных территориальных групп центра страны свидетельствуют о том, что в «далний» поход были отобраны имеющиеся в наличии воинские силы,

¹ Иной позиции придерживается О.А. Курбатов, указавший, что до 1550-х гг. сотенные головы в поместной коннице не встречаются, зато с их появлением в ходе военных реформ сына Василия III царя Ивана IV Грозного в разы сокращается количество воевод в войсках. Скорее всего, само введение должности сотенного головы вызвано ростом численности войска и призвано было стандартизировать численность подразделений поместной конницы, чего до сер. XVI в. в источниках не фиксируется. Т.о. автор несколько завышает численность русских войск до 1550-х гг. — *Прим. ред.*

без созыва характерных для крупных походов общевоинских сборов. Разрядные записи показывают, что русская армия в Оршанском походе состояла из двух основных частей: часть полков выдвигалась из Смоленска, другие («новгородская рать») шли на соединение с ними из Великих Лук. Это объясняет численное преобладание новгородцев. Задержавшиеся в Смоленской земле и приграничных литовских районах отряды служилых людей из центральных уездов заметно поредели. Некоторые из них, вероятно, вернулись домой. Воеводам приходилось доукомплектовывать «личный состав» армии.

Основную ударную силу составили новгородские помещики. Среди пленников можно идентифицировать 61 имя. Вероятно, общее число подобных примеров было даже большим. Представители Северо-Запада (вместе с луцкими помещиками) дали не менее 33,2% от всех известных пленников, явно превалируя в объединенной русской армии.

Рассматривая составленный список пленных как социологическую выборку состава русской армии, можно попытаться определить ее численность, привлекая данные новгородских писцовых книг, особенно писцовой книги Водской и Деревской пятин конца XV – начала XVI в. Если принять во внимание, что 22,8% от выявленных пленных относились к помещикам Водской и Деревской пятин, в которых в начале XVI в. числилось до 1250 чел.^{*}, то общая численность всех служилых людей — участников рассматриваемого сражения вместе с татарами и без учета «простых мужиков» в соответствии с принципом пропорции могла достигать 5500 человек¹⁰¹. С учетом боевых слуг (1 слуга у 1 помещика)¹⁰² эта цифра возрастает до 11 000 бойцов.

В любом крупном походе не могли принимать участие все числившиеся в той или иной корпорации лица. С учетом единичных случаев уклонения от службы эти цифры, однако, могли отражать близкую к действительности картину.

* С учетом проведенных поместных раздач в примыкающих к Новгородской земле территориях (в первую очередь в Великолуцком и Пусторжевском уездах) предельную численность детей боярских всех новгородских пятин в рассматриваемом сражении можно оценить в 2000–2300 человек, включая детей боярских годоводой службы и отставных.



Польский король в турнирном геральдическом одеянии. Миниатюра XVI в.

Новгородские же полки не были задействованы в предшествовавшей кампании и могли быть полноценно укомплектованы. Количество служилых татар в 1510-е годы, когда Поволжье и Сибирь не входили в состав России, не измерялось тысячами. Мещерские татары Сивиндукмурзы Мадыхова были представлены в войске несколькими сотнями (не более 400–500 человек, возглавляемых 5–6 мурзами)¹⁰³.

Если взять полную численность всех 18 служилых корпораций, участвующих в битве, то, по данным разрядов 1556–1572 гг., с учетом боевых слуг все они могли выставить максимум до 14 000–16 000 бойцов, а с учетом некомплектности войска («а инии в отъезде были») последняя цифра может быть снижена до 11 000.

Таким образом, три метода дают в конечном итоге похожие цифры — максимум 11 000 бойцов. В пропагандистской литературе численность «москвитов» была увеличена более чем шесть раз.

Польско-литовское войско под Оршей

В сочинении Станислава Гурского приводится общая численность польско-литовского войска, принявшего участие в Оршанской битве, в «30 000 конницы, три тысячи пехоты» (*сijus non amplius XXX milia equitum, peditum tria milia fuere*)¹⁰⁴. Именно эта цифра и использовалась впоследствии в традиционной историографии. Но в других источниках можно встретить иные цифры: 35 000, 30 000, 25 000,

17 000, 16 000¹⁰⁵. В одном источнике едины: литовское войско было значительно усилено «поляками и иностранными воинами». Таким образом, хронистами XVI в. размеры королевской армии были определены в рамках 16 000–35 000 человек. Наличие такого разброса оценок указывает на серьезную проблему в исследовании.

Исследователи не обращали внимания на сохранившиеся «реестры» и «листы», датированные апрелем—июлем 1514 г., а между тем они представляют очень важный и ценный ис-



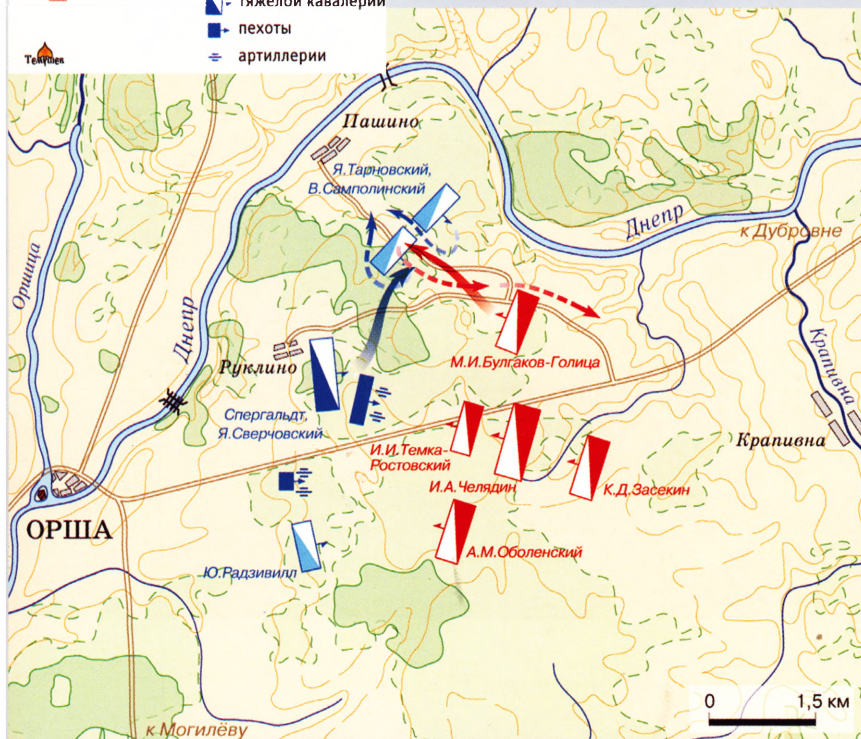
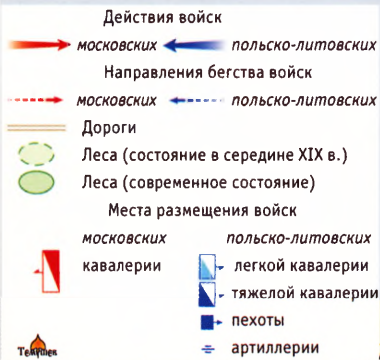
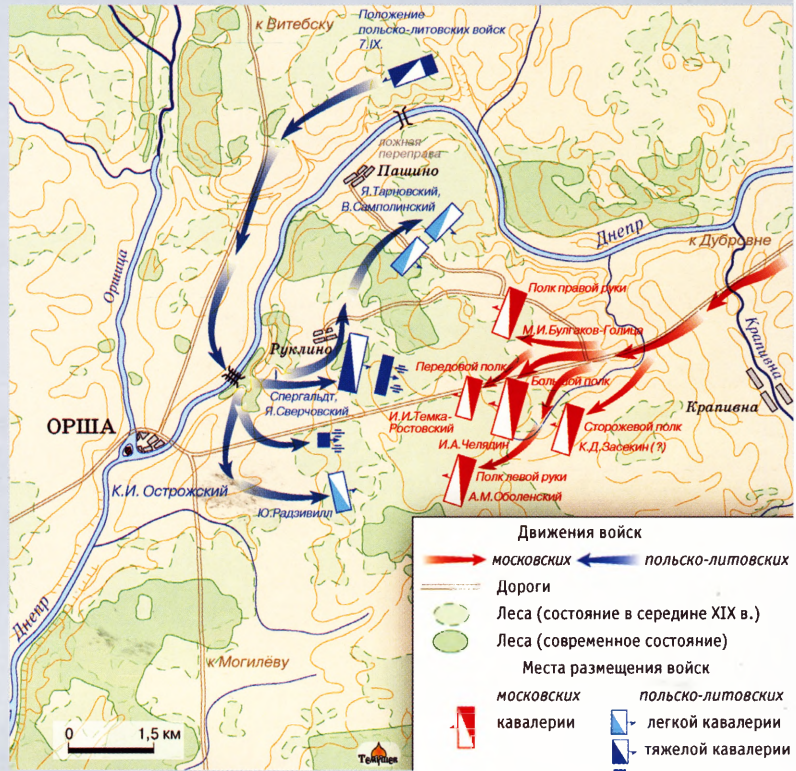
Всадник Великого княжества Литовского. Гравюра XVI в.

БИТВА ПОД ОРШЕЙ.

8 сентября 1514 г.

Фаза 1.

Развертывание войск накануне сражения



Фаза 1.

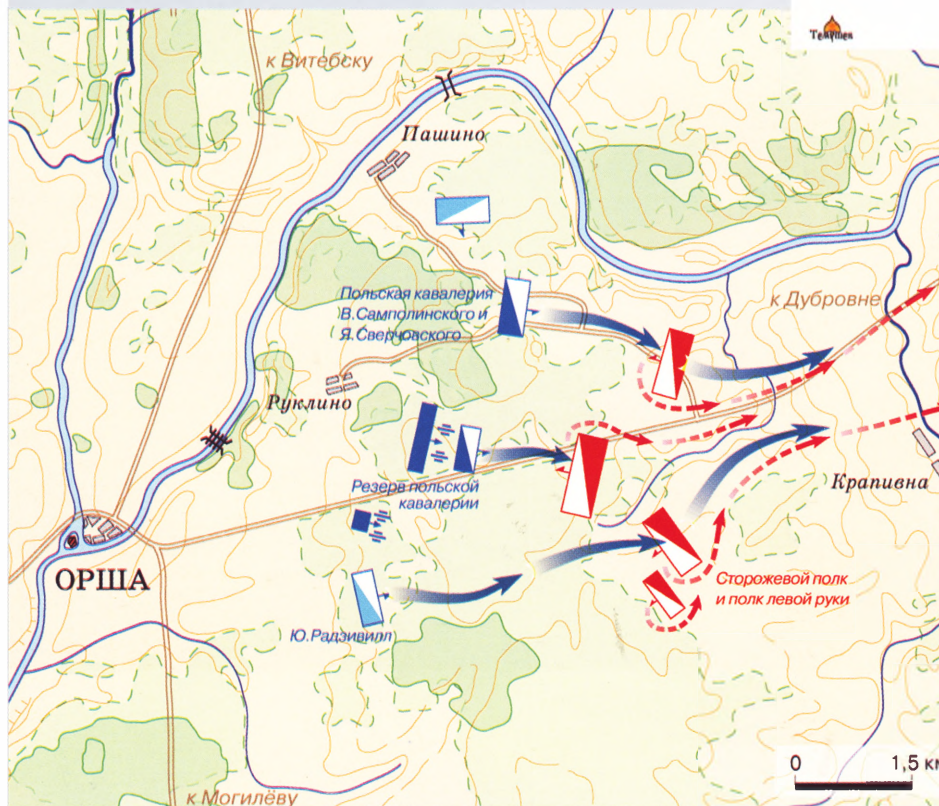
Первая атака
московского войска
(полк правой руки).
Контрудар поляков



Битва под Оршей. Картина 1530-е гг.



**Фаза 3.
Развертывание
войск накануне
сражения**



точный по изучению польско-литовской армии в битве 8 сентября 1514 г.

Попробуем выделить отдельные воинские контингенты и выявить, наконец, примерную численность армии, которая была выставлена ВКЛ в сентябре 1514 г.

Во второй половине 1513 г. на совещании с панями-радой в Мельнике и Вильно планировалось нанять огромный контингент — 10 000 польской конницы и 2000 пехоты¹⁰⁶. Но к марту 1514 г. вследствие неудовлетворительного состояния казны было решено снизить число наемников до 7000 воинов. На уплату жалования наемникам вводился налог, названный в документах «поголовщина» или «серебщина».

Угрожавшая Великому княжеству Литовскому опасность заставила обратиться за военной помощью к Королевству Польскому. В марте 1514 г. к коронной раде было отправлено посольство Александра Ходкевича и каноника Стефана Щепана, через которое обещалось закрепить союзом все прежние «списы» относительно подтверждения унии в случае оказания военной помощи. Интересно, что польская рада, по замечанию М.В. Довнар-Запольского, в ответах говорила «о помощи против врагов королю, но не собственно Литве, оттеняя тем персональность унии...»¹⁰⁷. Коронные сенаторы объявили, что у них на службу принято больше воинов, чем необходимо для военных нужд. На помощь королю обещали прийти также рыцари-добровольцы, выезжавшие «на свои пенези». Что касается унии, то дело не продвинулось дальше предварительных переговоров.

Итак, сколько же наемников участвовало в битве?

Сохранились «записи о роздаче подскарбием платы ротмистрам за наем служебных людей» от 29 апреля 1514 г., позволяющие уточнить количество наемников¹⁰⁸. Записи несколько отличаются от предварительного списка рот от 10 апреля — в них перечисляются 2063 конных, 2000 пеших. Подскарбий дворный Великого княжества Литовского выплачивал жалование «служебным», которые через четыре месяца окажутся на Оршанском поле:

Кавалерийские роты (в скобках количество «коней»): Я. Сверчовского (30), Луковского (200), Слижицкого (200), Гонборка (200), А. Боратинского (200), Я. Боратинского (200),

Н. Кржоновского (200), С. Гинка (200), Долузского (200), Сецикновского (200), Цетрица (100), Луцковского (100).

Драбские роты (в скобках количество драбов): Бабалецкого (200), Шторце (200), Искры (200), Шимки Кулгавого (200), Суходольского (200), Зебрыдовского (200), Сивохи (200), Чистовского (200), Е. Пятровского (200), Переменского (200).

В этом списке уже не упоминается имя командира пехоты Яна Спергальдта, но по-прежнему перечислены его ротмистры. Спергальдт вместе с другим ротмистром — Яном Гротгуттом — возглавил наспех сформированный в Великом княжестве Литовском отряд из 460 «служебных», без промедления направленных на помощь Смоленску.

В письме Сигизмунда коронному скарбнику Андрею Костелецкому от 20 мая приложен новый список наемников, которым великий князь Литовский послал листы и деньги¹⁰⁹. Список содержал в себе 8 рот конницы и 5 рот пехоты (1600 конницы и 1000 пехоты):

Кавалерийские роты: К. Мацжиовского (200), Н. Гноенского (300), Кожмировского (200), Дамбровского (200), Виельчинского (200), Гизицкого (200), Гламбовского (200), Русецкого (100).

Драбские роты: Кржикацкого (200), Боруецкого (200), Бистржегивского Оцки (200), Рапаты (200), Бернарда Потоцкого (200).

В вербовочных списках наемников можно встретить таких профессионалов, как ротмистры Дамбровский, Рапата и Шимка по прозвищу Колченогий (Кулгавый), активно участвовавших в войнах начала XVI в. Среди списков «служебных» можно найти и ветеранов, например, ротмистры Сецигновский и Искржицкий числились в наемниках еще в 1489–1506 гг. Сам гетман Януш Сверчовский проходил в списках ротмистров с 1489 г.¹¹⁰

Со слов епископа Петра Томицкого, король приказал тем, кто уже прибыл в Берестье, двинуться к Минску, куда, согласно оговоренным срокам (т.е. день св. Иоанна Крестителя — *profesto S. Joannis Baptiste*), должно было подойти и посполитое рушение¹¹¹.

Получается, что общее число наемников (6663 чел.) почти сходится с количеством, оговоренным на сейме в феврале–марте 1514 г.

(7000 чел.), выставленных на собранную «поголовщину»¹¹².

Великое княжество Литовское в силу особенностей экономического развития не могло обеспечить свои вооруженные силы большим количеством наемных частей даже в трудное для страны время.

С одобрения Сената Королевства Польского в помощь Великому княжеству Литовскому предполагалось сформировать отряд из воинов, которые оказались избыточны для охраны Польши, а также из тех, кто снаряжался на деньги королевского двора и знатными вельможами добровольно.

Польские источники упоминают «на войне московской гуф знатный и благородный», состоящий из представителей как великопольских, так и малопольских родов. Под руководством 26-летнего Яна Тарновского на войну с «москвитами» отправились «почты коронные» его братьев (Спитека и Станислава), Тенчинских (Анжея, Станислава и двух Янов), Пилецких (Ян, Станислав и два Миколая), Кмитов (Петр и Станислав), Зборовских (Ян, Мартин и Петр), Иеронима Ярославца, Остророгов, Зарембовских, Чарнковских, Слупецких¹¹³. Всего на битву вышли не более 2000 польских «добровольцев» в битве.

Помимо польских добровольцев, в битве принимала участие королевская хоругвь. Еще в 1500 г. в надворную хоругвь из Польши, Моравии и Силезии было нанято 460 «служебных». А в 1503 г. она состояла уже из 788 коней и 263 пехотинцев¹¹⁴. По Томицианским бумагам известно, что «над придворной когортой начальствовал Альберт Самполинский»¹¹⁵. От периода подготовки к военной кампании 1514 г. сохранились сведения о снаряжении отряда из 500 «придворных дворян», которым было выплачено фиксированное вознаграждение в размере 3 злотых (1 копейка и 12 грошей) за каждого снаряженного «коня» (это на 1 злотый меньше, чем наемнику). В надворной хоругви числились и видные представители польского рыцарства Миколай Оциеский и Вавжинец Мышковский¹¹⁶.

Подсчитать количество солдат Великого княжества Литовского, принимавших участие в битве, крайне сложно. Повествовательные источники называют цифры от 12 000 (С. Сарницкий) до 16 000 чел. (И. Деций, М. Стрыйковский).

С земель Литовского княжества предполагалось собрать хоругви следующих областей (в скобках указаны должностные лица на тот момент): Виленского воеводства¹¹⁷ (воевода Николай Николаевич Радзивилл), Гродненского и Ковенского поветов¹¹⁸ Трощкого воеводства¹¹⁹ (воевода и маршалок надворный Григорий Станиславович Остикевич), земли Жемойтской (пан Станислав Янович Гаштольд), Волынской земли (маршалок Волынской земли Константин Иванович Острожский), Дорогичинского и Бельского поветов воеводства Подляшского¹²⁰ (воевода Витебский и Подляшский Иван Семенович Сапега), Берестейского повета (староста Берестейский Юрий Иванович Ильинич), Владимирского повета (староста Владимирский Андрей Александрович Сангушка), Новогрудского повета (воевода Новогрудский Ян Янович Заберезинский), Каменецкого повета (князь Семен Чарторыйский)¹²¹, Городенского повета (воевода Городенский Юрий Николаевич Радзивилл Геркулес), Минского повета, княжества Пинского (князь Пинский¹²² Федор Иванович Ярославич).

Кроме всего прочего, своих воинов должны были прислать княгини Александрова и Слуцкая, митрополит Иосиф II Солтан, князья Свирские и Гедроцкие, князь Федор Чарторыйский, князь Юрий Дубровицкий, князь Юрий Зенович, князь Федор Жославский. В отношении двух последних князей имеются особые указания. Жославскому предписывается самому прибыть в Минск («абы до Менска ехал»), а пан Зенович с отрядом должен был стоять на южном направлении («абы до Могилева ехал»).

Если взять роспись («попис») войска 1528 г., по самым оптимистическим прогнозам, численность посполитого рушения с указанных округов, которые затрагивал призыв, включая почты князей-магнатов и панов-рады¹²³ («листы до панов рад» были также отправлены), могла достигать 14 000–16 000 чел. Эту цифру следует считать «мобилизационным максимумом». В реальности численность армии была меньше списочной численности за счет не явившихся по разным причинам, уклонившихся от службы, оставленных в гарнизонах или посланных в другие районы. Итак, с указанных земель можно было собрать до 16 000 воинов.

К 15 июня, т.е. за неделю до окончания срока сборов, князь Василий Полубенский явился со своим почтом в 50 коней¹²⁴ и одним из первых с отрядом в 526 конных (в том числе 94 «рацея» и 100 «ляхов Вольского») и 100–115 пеших выдвинулся в район боевых действий¹²⁵. Другой «дворянский реестр» датирован также 15 июня, принесен «от пана Яна, маршалка земского з Вилни» (имеется в виду, скорее всего, Ян Николаевич Радзивилл). В нем перечислены 518 «коней»¹²⁶. Реестр, составленный 18 июля, перечисляет всего чуть более 1200 чел. дворян, явившихся на сборный пункт¹²⁷.

Даже спустя почти месяц после окончания срока сборов посполитое рушение, за исключением небольших контингентов, так и не собралось. Это была достаточно распространенная для XVI в. ситуация, когда на призыв являлась небольшая часть ополчения (так было в 1512–1513 гг., во времена Стародубской войны 1534–1537 гг. и в русско-литовскую войну 1563–1570 гг.). За первую половину XVI в. шляхта ни разу не прибывала к месту сбора в точно установленный срок. Имелись случаи и уклонения от службы, и значительной задержки со сборами, несмотря на принятое решение жестоко карать тех, кто не поспевает к сроку на военную службу¹²⁸.

Подтверждают очень низкую явку на сборы и письма епископа Перемышльского Петра Томицкого и короля Сигизмунда Казимировича, датированные 18–26 июля¹²⁹. В них указываются такие негативные качества, как медлительность и лень шляхты. Отметим, что письма написаны спустя месяц после окончания срока сборов. Вообще, при чтении немногочисленных свидетельств о мобилизации в 1514 г., можно найти подтверждения словам С. Герберштейна, писавшего: «Если им (литвинам. — А.Л.) откуда-нибудь грозит война и они должны защищать свое достояние против врага, то они являются на призыв с великой пышностью, более для бахвальства, чем на войну, а по окончании сборов тут же рассеиваются» [в другом месте: «как только дело доходит до выступления (из лагеря), один за другим являются к начальнику, придумывая всевозможные отговорки, откупаясь у начальника деньгами, и остаются дома»]¹³⁰.

Явно раздраженные нотки в посланиях великого князя Литовского и епископа Петра

Томицкого, касающихся промедления со сборами, могут служить подтверждением того, что численность посполитого рушения существенно не возросла к концу августа, когда войско выдвинулось к Орше. Армия Сигизмунда начинает движение лишь после того, как к ней присоединились хоругви поляков-добровольцев, «охочие гуфы».

Итак, нет никаких оснований считать, что в поход выступило 14 000–16 000 посполитого рушения. Наоборот, при подробном рассмотрении вырисовываются очень низкие показатели сборов.

Помимо боевых частей, в походном войске присутствовало большое количество прислуги — «обозная челядь». Но ее численность нам неизвестна, и подсчитать даже приблизительное количество не представляется возможным.

В войске присутствовали небольшие саперные подразделения под руководством Яна Башты¹³¹, которым позже удалось соорудить переправу через Днепр — понтонный мост шириной не менее 3 м.

Если учитывать «почты» панов-рады (некоторые отряды знатных вельмож могли насчитывать по несколько сотен воинов), которые не фигурируют в сохранившихся реестрах 1514 г., то ориентировочные вычисления показывают, что в Борисове к 30 августа могло собраться в самом лучшем случае половина от планируемого количества — не более 7000–8000 литовского ополчения.

Таким образом, **верхний предельный размер** объединенной армии в 1514 г. мог быть примерно следующим:

- Польский и наемный контингенты
 - до 6663 чел. наемников (из них 3000 пехоты),
 - до 500 чел. в надворной хоругви Войцеха Самполинского,
 - до 2000 чел. польских добровольцев Яна Тарновского;
- Посполитое рушение
 - до 8000 чел. (поветовые хоругви, отряды магнатов и почты панов-рады).

Всего на смотре на борисовских полях могло присутствовать до 16 000–17 000 чел.

Самое интересное, что приведенные вычисления подтверждают два источника, не привлекавшие ранее внимание историков. Не-

задолго до битвы, командором Мемеля было написано письмо для великого магистра о положении на русско-литовском фронте. Оно происходит из собрания бумаг Кенигсбергского (Прусского) тайного архива. В основу своих донесений мемельский командор положил сведения, полученные им от литовского информатора («писал вашему достоинству новые новости: те, что я достоверно не мог узнать, я не хотел от себя писать»): «И король, как скажут, имеет 12 тысяч чужеземного народа, и должны ещё прибыть 5 тыс., и также было много народов: литовцев, русинов, татар, жемайтов и других народов»¹³². Обратим внимание на дату письма — 3 сентября 1514 г. Значит, полученные известия относятся к концу августа (новости дошли до адресата за несколько сотен верст), ко времени окончания сборов польско-литовского войска. Под «чужеземными народами», очевидно, подразумевались польские добровольцы и наемное войско. Наконец, по словам Станислава Сарницкого, Сигизмунд Казимирович собрал в поход 2000 «поляков добрых збройных, Литвы 12 000, пехоты 3000», т.е. всего также 17 000 воинов¹³³.

Косвенно на небольшой размер объединенной армии указывают и сами описания хронистов XVI в., но подробнее об этом будет сказано ниже. Обращение к вопросам «военной логистики» также полностью подтверждает выдвинутое предположение о небольшом размере литовского контингента в Оршанской битве.

Вполне закономерен вопрос: откуда же взялись цифры нарративных свидетельств в 25 000, 30 000, 33 000, 35 000 воинов? Очевидно, здесь мы сталкиваемся с отголосками пропаганды канцелярии Сигизмунда Казимировича. Следует обратить внимание на условия, при которых создавалась масштабная ягеллонская пропаганда. Рассказывая о разгроме «москвы», числен-

ность которой «всем известна» (80 000), необходимо было продемонстрировать европейцам (в том числе и потенциальным врагам — тевтонскому магистру, например) грандиозность сражения, показать сильную духом армию короля, сплоченную общими интересами и ненавистью к тьмочисленным варварам. Вообще, в публицистике тех лет отсутствует какая-либо целостная картина состояния польско-литовской армии. Даже в своих письмах и посланиях Сигизмунд не придерживался единых цифр. Данные брались совершенно произвольно, и вряд ли у нас имеются основания доверять тем или иным сведениям, вышедшим из-под пера королевской канцелярии с одной целью — произвести грандиозное впечатление.

Таким образом, мы полагаем, что заявленная в нарративных источниках численность польско-литовской армии в 30 000–35 000 является завышенной как минимум в 2–2,5 раза. По своим размерам Оршанская битва, конечно же, была крупным сражением — она вошла в историю как «Великая битва». Однако силы противодействующих сторон были значительно меньше тех цифр, которые указаны в повествовательных сочинениях XVI столетия. Анализ «мобилизационных» документов и состава воинских контингентов (наемников, «добровольцев» Короны и посполитого рушения) приводит к убеждению, что максимальный размер объединенной армии, выставленный 8 сентября 1514 г. на Оршанском поле, мог достигать всего 12 000 чел.

Неоднородный состав польско-литовского войска вызывал определенные сложности в управлении на поле боя. Однако в той ситуации, в которой оказалась армия короля, грамотное использование разномастных хоругвей и рот помогло в конечном итоге отразить молниеносные атаки московской конницы.



БИТВА 8 СЕНТЯБРЯ 1514 ГОДА

В конце августа Сигизмунд устроил на борисовских полях смотр польско-литовского войска. Получив от кн. М. Л. Глинского необходимые сведения о планах противника, дислокации и численности отрядов, король Сигизмунд решает оставить при себе некоторое количество воинов, справедливо полагая, что выделенных сил вполне хватит для разгрома «московитов». Поскольку все еще оставалась угроза прорыва к Борисову «загонов» поместной конницы, то для охраны монарха двух государств был выделен отряд численностью до 4000 воинов¹³⁴. В письме епископу Познаньскому поясняется, что «с Его Королевской Милостию и с Его Преосвященством, господином епископом Премышльским, в крепости Борисов осталось **некоторое количество князей и господ, а также 16 сотен польских солдат** (выделено мной. — А.Л.)»¹³⁵.

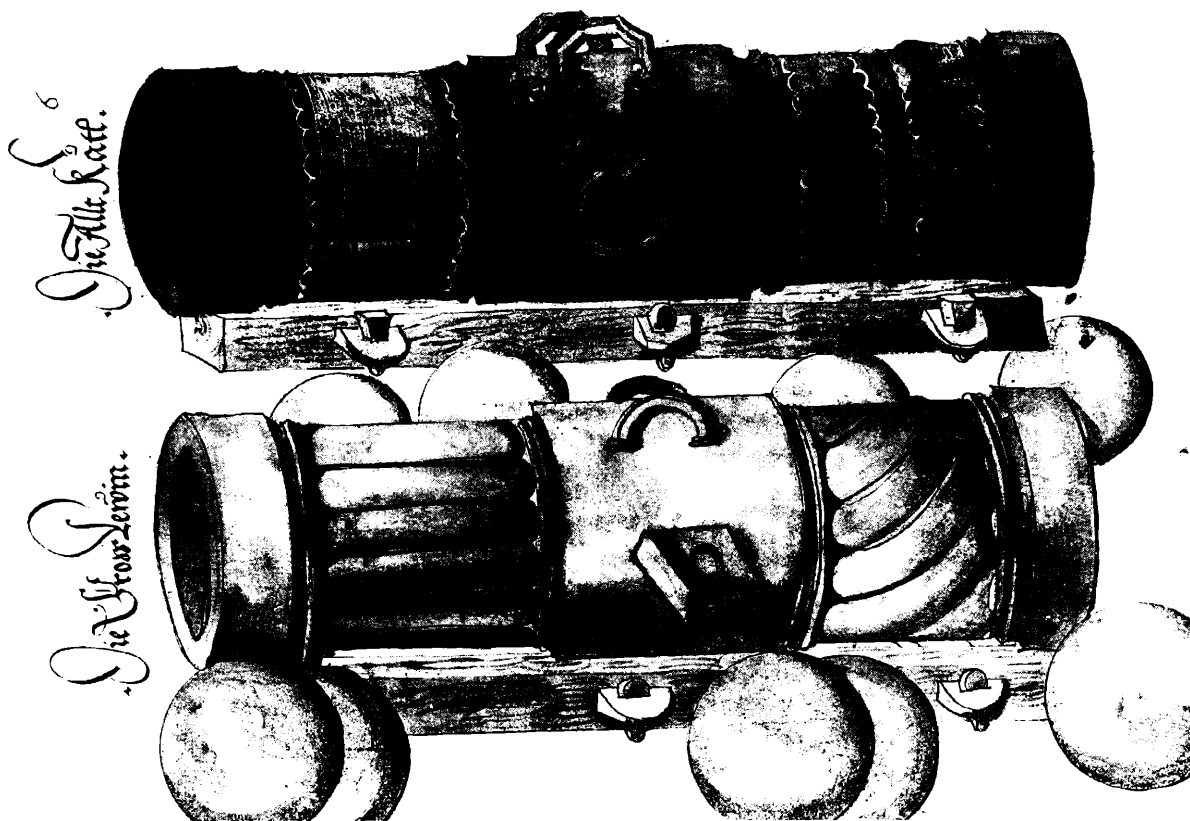
Таким образом, к Орше выдвинулось войско общей численностью до 12 000–13 000 чел., сопровождаемое, по словам секретаря королевы Боны, «счастливыми предзнаменованиями победы».

Подойдя к Днепру, королевские роты (до 600 чел.) сбили с позиций сторожевые отряды русских¹³⁶. В официальном описании сражения говорится, что «в первом сражении 28 августа Иоанн Пилецкий, староста Люблинский, рассеял 1300 всадников-московитов; первого сентября в другом отдельном сражении королевские [войска] разгромили 2000 московитов и Киселича...»¹³⁷.

По Децию и Стрыйковскому, 27 августа (по М. Бельскому — 28-го) на Бобре реке были атакованы несколько московских полков, а затем на Дровне рота литовская под командованием воеводы Витебского Ивана Сапеги «три полка московских поразила», после чего несколько знатных пленников было отослано королю¹³⁸.

М. Бельский также пишет о захваченном в плен военачальнике «Кисиеличе» («Kisielic»). В некоторых источниках «Кисиелича» сопоставляют с воеводой Михаилом Кислым Горбатым. В шпионском донесении от 16 сентября 1514 г. перечисляется среди убитых «один из двоих полководцев, находившихся (ранее) здесь в Плескове (возможно, имеется ввиду «Ploskow», т.е. Полоцк. — А.Л.), именем Михель Кислаци»¹³⁹. Во время второго похода на Смоленск в 1513 г. Кн. М. В. Горбатый действительно ходил на Полоцк. В великолуцкой рати кн. В.В. Шуйского, направлявшейся под Оршу, он должен был командовать Передовым полком, но, по-видимому, остался под Смоленском. Поэтому участие его в битве под большим сомнением. Князь М.В. Горбатый до 1534 г. участвовал в военных операциях, поэтому известия польских хронистов о его пленении и данные ливонского агента представляются ошибочными. Может быть, Михайло Кислого спутали с Федором Михайловым сыном Киселевым, упомянутым в реестрах пленных¹⁴⁰. Федор Михайлов сын Киселев руководил одним из небольших сторожевых отрядов за Днепром, который шел на соединение с основными силами. Несмотря на отсутствие его имени в разрядах, это была видная для своего времени фигура. В 1506 г. именно он отступал с «боярскими людьми» к Мурому, где располагались его родовые вотчины. Видимо, он возглавлял отряд муромцев во время похода русской армии. Но он никак не мог быть «знатным воеводой», начальником над 2000 московитов, которых разбила всего одна литовская рота.

Воеводы до момента соприкосновения передовых отрядов не имели полных сведений о численности королевского войска. Именно этим и объясняется решение воевод дать сражение за Днепром. Неприятный сюрприз



Бомбарды. Рисунок из «Арсенальных книг Максимилиана». 1502 г. (Bayerische Staatsbibliothek. Cod.icon 222)

(«приидоша на них безвестно королевы воеводы князь Костянтин Острожской и иные ляцкие и литовские воеводы со многими людьми и с пушками и с пищальми») заставил отказать от грабежа территории и сосредоточить усилия на отражении польско-литовской армии. Для этого надо было объединить рассеянные отряды, стоявшие на Друцких полях и в «разных местех». Летописные фразы «а инии в отъезде были», и «сила ненарядна была» указывают на значительный некомплект в войске. Как пишет Волынский краткий летописец, которого никак нельзя упрекнуть в сочувствии русским, воеводы «в то же время будучим на Друцких полях, и вслышавши силу литовскую, оттоля отступиша за Днепр реку великую»¹⁴¹.

Не имея сведений о численности королевской армии, следуя указаниям верховного командования «стояти на Непре», воеводы решают дать бой на левом берегу реки.

Архангелогородский летописец сообщает, что переговоры противников состоялись на реке Березине: «И начаша литва льстити к москвием, глаголющее: «Разоидемя на миру». — А сама литва верх по Березине за 15 верст выше перевезошася к москвичем, и приидоша литва сторонь безвестно на москвичь»¹⁴². Секретарь королевы Боны Сфорца Станислав Гурский, опираясь на документы королевской канцелярии, писал о переговорах на Днепре: «военачальники обеих сторон на берегу решили вести переговоры. ... И королевскими был дан ответ, они же, в жажде покарать варварскую надменность, оставили на этом берегу у входа на брод некоторое количество легковооруженных воинов, которые гарцевали и давали москвитам рассмотреть, создавая у них впечатление [присутствия войска], тогда как войско короля не оставалось на месте, а в другом месте делало мост из челнов и бревен, переправляло на другой берег Борисфена бомбарды, военные машины и пехоту»¹⁴³.

Возможно, первые переговоры были действительно на Березине. Польский источник

пишет: «Московиты, чтобы выполнить приказ, подошли к реке Березина, подступили своим войском к королевскому лагерю, чтобы устроить наших своим множеством. Королевские же, перейдя реку, двинулись строем на москов ... московиты в целом воздержались от битвы»¹⁴⁴. Велись ли еще переговоры у Днепра, сказать сложно: русские летописи на этот счет молчат. Источники сходны только в одном: через Днепр королевская армия переправилась с помощью хитрости или обмана. Посредством демонстрации ложного количества сил удалось ввести в заблуждение воевод и перейти через реку не в том месте, где ожидалось.

Основной части польской кавалерии поляков удалось за несколько часов весьма быстро переправиться на другую сторону и построиться в боевой порядок. Кавалерия прикрыла строящуюся переправу, по которой перешла литовская конница и пехота с артиллерией. Собиравшиеся у Днепра русские отряды не сумели предотвратить переправу остальной части литовского войска, ибо ее надежно прикрыли польские латники.

На расстановку сил ушел весь вечер. Но даже с наступлением утра «в течение почти трех часов обе стороны воздерживались от битвы»¹⁴⁵.

Диспозицию королевского войска утром 8 сентября 1514 г. можно реконструировать благодаря польско-литовским источникам, в которых она расписана достаточно подробно¹⁴⁶. Однако нельзя сказать, что источники эти единогласны. В официальном описании кампании 1514 г., составленной на основании бумаг из канцелярии Сигизмунда, говорится следующее: «Предводитель, князь Константин Острожский, который победил в 36 схватках, был главнокомандующим королевского войска, Георгий Радивил возглавлял литовцев, Януш Сверчовский — поляков, а придворной когортой начальствовал Альберт Самполинский. Добровольцы из поляков, молодежь из знатных семей, а также наемные воины встали в первые ряды, литовцы — на правом крыле, поляки и королевские придворные — на левом, а пехота и бомбарды были собраны вместе»¹⁴⁷. Фактически такую же диспозицию рисует хроника Мацея Стрыйковского: литовцев князь Константин «на правый фланг по-

ставил», а «пушки и другую стрельбу справно расставил». Заняли свое место «несколько рот с павезами», жолнеры и господские почты¹⁴⁸.

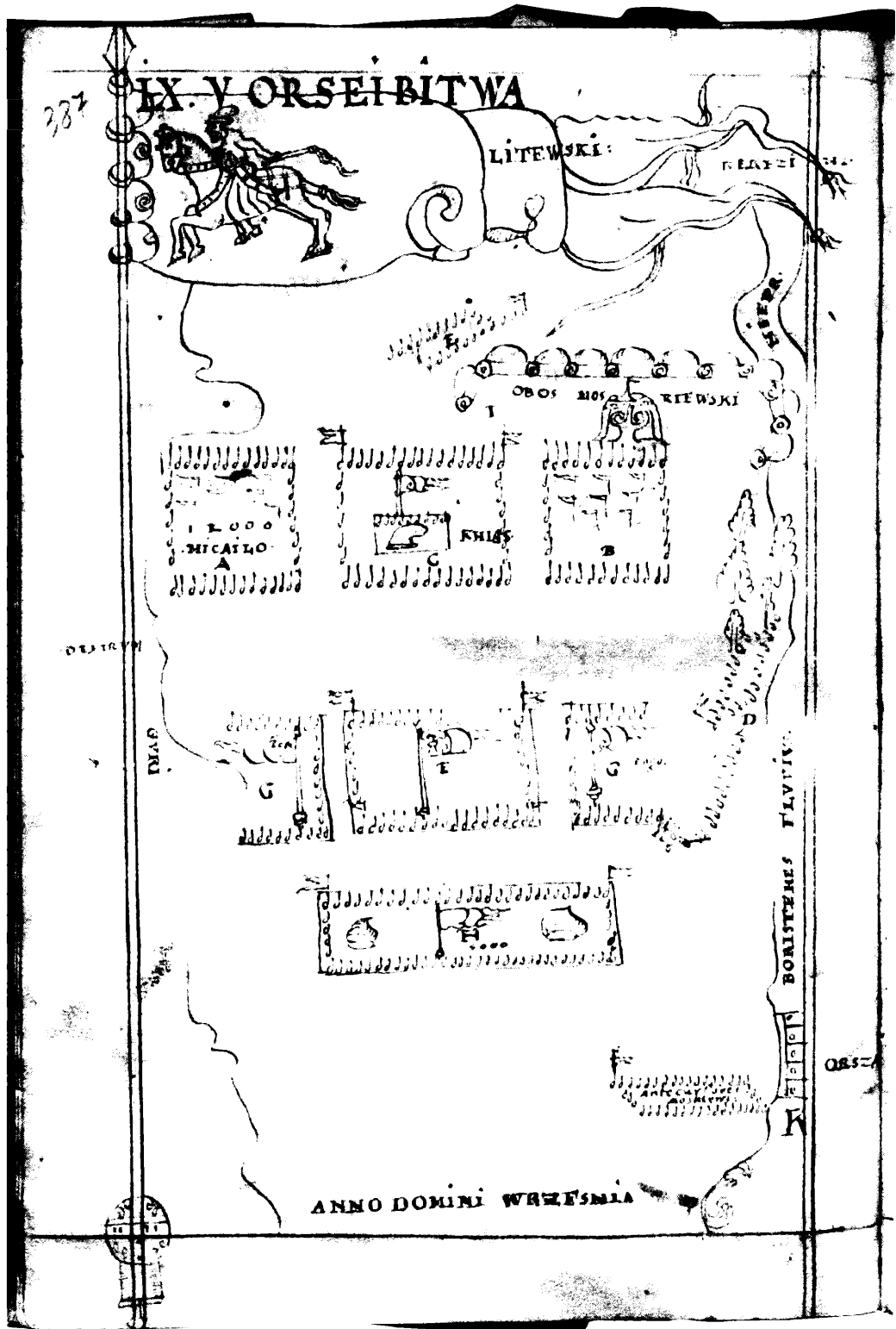
Привлечение иконографического материала позволяет уточнить позиции королевского войска. В архивных «Книгах гетманских» С. Сарницкого (второй половины XVI в.) сохранился план сражения с кратким описанием¹⁴⁹. У Орши на рисунке изображен «московский авангард» (*antecursores moskiewski*), который после переправы польско-литовских войск отступил.

Русские войска показаны выстроенными в три полка. Под соответствующими экспликациями показаны соединения «Михайлы» (полк Правой руки воеводы М. Голицы-Булгакова), а также Большой полк, полклевой руки, «обоз московский» и полк «тыльной стражи».

Согласно пропагандистскому «летучему листку» 1514 г., «враги («московиты» — А.Л.) построились в пять полков. В первом строю встало пятнадцать тысяч. В другом — четырнадцать тысяч. В третьем — столько же. В следующем — тринадцать тысяч. В главном строю — двадцать четыре тысячи»¹⁵⁰. Как видим, в пропагандистском издании полки московитов, сгрудившиеся к излучине Днепра на узком фронте, по численности превосходят даже современные дивизии.

Противники русских в «Книгах гетманских» показаны стоявшими в четыре полка, поперек излучины Днепра. Артиллерийская засада литовцев, согласно плану, располагалась в ельнике между правым крылом и Днепром.

Центр заняли лучшие «збройные» соединения — наемные роты Спергальдта и латники Сверчовского. В первые линии встала пехота с артиллерией. За построениями пехотинцев драбов Януш Сверчовский собрал несколько тяжелых копейщиков — резерв, вступающий в бой в решающий момент. В отличие от пехоты конница выстраивалась на поле боя в боевые порядки, расчлененные по фронту. За линиями пехоты роты можно было направлять на наиболее ответственные участки боя. Топографические особенности поля были таковы, что конные роты были лишены маневра — польско-литовское войско было прижато к берегу Днепра. Относительно наемников в «летучем листке» отмечено: «И так



План сражения под Оршей 1514 г. Станислава Сарницкого, XVI в. (AGAD w Warszawie). Рисунок любезно предоставлен автору литовским историком Гедиминасом Лесмайтисом

встретилась рать короля Польского с большой ратью, у вод реки по имени Днепр, восемь тысяч из них были наемники: поляки, чехи и немцы». Как видно, центр польско-литовского войска был глубоко эшелонирован.

На левом фланге расположились хоругви польских панов под руководством Я. Тарновского и надворная хоругвь В. Самполинского. Здесь, несмотря на наличие рыцарей-«копийников» (копейщиков), преобладали легковооруженные всадники — *levioris armaturae*, состоящие в основном из гусар. Поляки встали в «старый порядок», который предусматривал использование таких тактических форм, как «гуфы»: «передовой», «чельный» и «посылковые».

Один из знаменитых участников Оршанской битвы, гетман Ян Тарновский, позже описал «старое польское уряжение» в военном трактате «Советы военного дела»¹⁵¹. Основу построения составлял очень сильный центр с ударной конницей — поочередными построениями тяжелых копейщиков (*korijnicy*), гусар (*husarze*) и стрелков (*strzelcy*). На флангах выставлялись «посылковые» (вспомогательные) «гуфы». Фланговые отряды были предназначены для охвата противника. Такая конфигурация построения была пригодна главным образом для атаки, но нередко ее использовали и в обороне. Помимо этого, гетман имел и резерв из отборных тяжелых хоругвей, который мог вводиться в бой в наиболее ответственный момент. Нет никаких оснований считать, что на Оршанском поле польский контингент строился как-то по-другому.

Правое крыло заняли литовские войска, отряды К. Острожского, Ю. Радзивилла, К. Полубенского и других князей и магнатов встали ближе к центру, а правее их находились поветовые шляхетские хоругви: отряды виленской, трокской, жемойтской и прочей шляхты. Правда, С. Сарницкий уточняет, что отряды литовцев расположились еще и «на правом рогу, и на левом... по обе стороны» войска, т.е. на флангах. Вероятность нахождения на левом фланге даже небольшого легковооруженного отряда литовской конницы под сомнением: традиции боевых построений объединенных войск были таковы, что каждое соединение стояло обособленно от союзников. По С. Герберштейну, «в длинном строю расположились разнообраз-

ные войска литовцев, ибо каждое княжество прислало свое войско с собственным вождем (*dux*), как это у них принято, так что в строю каждому отводилось особое место»¹⁵².

Таким образом, крылья боевого порядка польско-литовских войск были значительно слабее глубокоэшелонированного центра. Возможно, «наивысший гетман» сознательно поставил на фланги легкие хоругви, тем самым дав «наживку» русским воеводам: захотев ударить по слабым частям на крыльях королевской армии, они так или иначе выходили на засаду (при атаке на правое крыло) либо подставляли свои фланги под перпендикулярный удар железных латников (при атаке на левое крыло). С другой стороны, мощный центр наемников, который перед собой видели русские воеводы, не оставлял им выбора в направлении атак.

Помня о жестоком поражении у р. Ведровши¹⁵³, Острожский позаботился и о «сюрпризе» для русских воевод: в ельнике на правом фланге была поставлена засада, состоящая из артиллерии, пехоты и отряда легкой конницы. Сведения о наличии в польско-литовском войске пушек не противоречат известиям русских летописей. На картине «Битва под Оршей», в которой достаточно подробно освещены основные моменты сражения, артиллерия в засаде символично представлена двумя длинными фельдшлангами. Однако определить количество задействованной в засаде артиллерии невозможно: на картине изображены только два орудия.

На основе источников вырисовывается следующая диспозиция польско-литовской армии кн. К.И. Острожского:

Правый фланг

Поветовые хоругви и господские почты под командованием Ю. Радзивилла Геркулеса (до 4000 чел.). В ельнике также располагалась артиллерийская засада из полевых орудий-фельдшлангов.

Левый фланг

Хоругви польских добровольцев Яна Тарновского и отряд придворных рыцарей В. Самполинского (до 2000 чел.).

Центр

До 11 полевых орудий, 16 рот драбов-пехотинцев Спергальдта и 20 конных рот Януша Сверчовского (до 6000 чел.).

Сам факт того, что польский контингент и наемники заняли основную часть боевого построения: и центр, и левый фланг, — говорит о численном превосходстве над союзниками-литвинами.

Какова же диспозиция русских соединений? Имело ли место объединение ратей М. Булгакова и И.А. Челядина в одну армию, или же на поле боя воеводы действовали самостоятельно?

Диспозиция, нарисованная в польских источниках, напоминает единую рать, разделенную традиционно на несколько полков (Передовой, Большой полки и «крылья») ¹⁵⁴. Факт гибели воеводы Передового полка кн. Ивана Ивановича Темки-Ростовского от пушечного ядра, зафиксированный в летописях ¹⁵⁵, свидетельствует о нахождении того в Передовом полку у И. Челядина напротив поставленных неприятелем орудий, а не у М. Булгакова на правом фланге, как было бы в случае, если группировки действовали обособленно (кн. Темка-Ростовский изначально был в подчинении кн. Булгакова). Следовательно, имело место объединение отрядов в одну армию.

Слияние ратей происходило по традиционному принципу: «Передовому с Передовым полком, Большому полку с Большим, а Правой руки с Правою, а Левою с Левою» ¹⁵⁶. Видимо, также происходило объединение полков и в 1514 г. В этом случае воеводы должны поменяться местами согласно своему статусу. Воеводой Большого полка должен был стать Иван Андреевич Челядин — он указан в большинстве источников.

Факт смещения кн. М. И. Булгакова-Голицы с поста воеводы Большого полка на менее почетную должность подтверждается известием С. Сарницкого и С. Гурского. Они называют командиром полка Правой руки «Михайло Голицу» ¹⁵⁷.

Анализ источников помогает выявить причины соперничества между двумя воеводами. В 1510 г. Булгаков и Челядин были оба пожалованы в бояре. В списке бояр и окольных под 1510 г. отмечалось: «Сказано, бояре: князь Михайло Иванович Голица Булгаков, Иван Андреевич Челядин». И.А. Челядин, как видим, пожалован после Булгакова. Но на следующий год боярин И.А. Челядин уже пожалован в конюшие, высший боярский чин ¹⁵⁸.

В 1511/12 гг. они вместе были на Угре в Большом полку: согласно разрядам, «в Боль-

шом полку быти боярину князю Михайлу Ивановичу Булгакову да конюшему Ивану Андреевичу» ¹⁵⁹. Обратим внимание: Челядин указан вторым, т.е. «товарищем» Булгакова. В московской Руси сложилось так называемое местничество — порядок распределения служебных мест с учетом происхождения и служебного положения предков лица. Система местничества была основана на критериях знатности происхождения и заслуг всего рода.

При слиянии двух корпусов кн. М.И. Булгаков должен был занять подчиненное положение — стать вторым воеводой после конюшего А.И. Челядина. Естественно, подчиняться своему бывшему «товарищу» не хотелось: объединение полков, где воевода небольшой рати должен был подчиняться воеводе более крупной рати, что создавало недопустимый для чести всего рода князя Булгакова-Голицы прецедент. Хотя, став первым воеводой второго по значимости полка Правой руки, он со своими братьями мог действовать независимо от главного командующего, однако формально должен был ему подчиняться.

Выше всех по статусу стоял боярин Г.Ф. Давыдов-Челядин. Летописи упоминают Григория Федоровича, описывая ситуацию за несколько дней до битвы, когда проходило объединение отрядов ¹⁶⁰. Но источник российского происхождения прямо не говорит об участии этого именитого воеводы непосредственно в сражении. Упоминание о якобы убитом (по крайней мере, участвовавшем в сражении) воеводе «Gregori Fidorowiti» мы находим в донесении агента одному из орденских комтуров от некоего информатора (16 сентября 1514 г.) ¹⁶¹. Либо он накануне битвы отъехал (а приезжал он, следовательно, для наведения порядка на воеводских «местах»), либо же официальные летописи сознательно не упоминают имени знатного боярина в неудачном сражении.

Имперский посол Герберштейн писал: «Оба крыла московитов отошли несколько дальше от остального войска, чтобы окружить врага с тыла; главные же силы стояли в боевых порядках посредине, а некоторые были выдвинуты вперед, чтобы вызвать врага на бой» ¹⁶². Описанная Герберштейном диспозиция вполне соответствует традиционной расстановке русских сил на поле боя.

По словам С. Сарницкого, полк Правой руки под командованием Михаила Голицы состоял из трех «гуфов». Правое крыло русских в польских источниках показано очень мощным, уступающим лишь Большому полку. Скорее всего, Сарницкий имел в виду построение правого крыла московитов в глубину на три линии. Подтверждает это и описание битвы С. Гурского: «Московиты встали выстроенными рядами, которые вдвойне плохо подходили к начавшейся битве, как потому, что у них не было бомбард, так и потому, что вопреки обычаю против сильных ударов снабдили себя многими доспехами, и теперь для быстрой битвы были отягощены, к тому же широко вытянули фронт и выстроились своими легионами в 3 линии»¹⁶³.

Большой полк под командованием И.А. Челядина располагался у холма. Впереди войска, по традиции, выстроился Передовой полк кн. И.И. Темки-Ростовского. За ним у подножья холма расположился Большой полк И.А. Челядина. Справа и слева от главных сил выстроились полки Правой илевой руки.

Несмотря на то что на поле была четырехполковая рать, в польских источниках упоминается еще и пятый полк — «полк тыльной стражи». Скорее всего, это был обоз, в котором находились кошевые холопы и господские слуги.

Мещерские татары Сивиндук-мурзы Мадыхова находились, вероятно, в Передовом полку: в разрядах часто подчеркивалось, чтоб «татаром быти у Передового полку на праве»¹⁶⁴.

Исходя из данных разрядных книг и особенностей комплектования и слияния полков, можно примерно реконструировать диспозицию русского войска:

Большой полк

боярин и конюший Иван Андреевич Челядин,

князь Борис Васильевич Ромодановский,
князь Иван Семенович Селеховский.

Передовой полк

князь Иван Иванович Темка-Ростовский,
князь Никита Васильевич Оболенский,
Дмитрий Васильевич Китаев Новосильцев,
Сивиндук-мурза Мадыхов.

Полк Правой руки

боярин князь Михаил Иванович Булгаков-Голица,

князь Дмитрий Иванович Булгаков,
князь Андрей Иванович Булгаков,
князь Иван Дмитриевич Пронский.

Полклевой руки

князь Андрей Михайлович Оболенский,
Иван Семенович Колычев,
князь Иван Семенович Семейка Ярославский.

Сторожевой полк

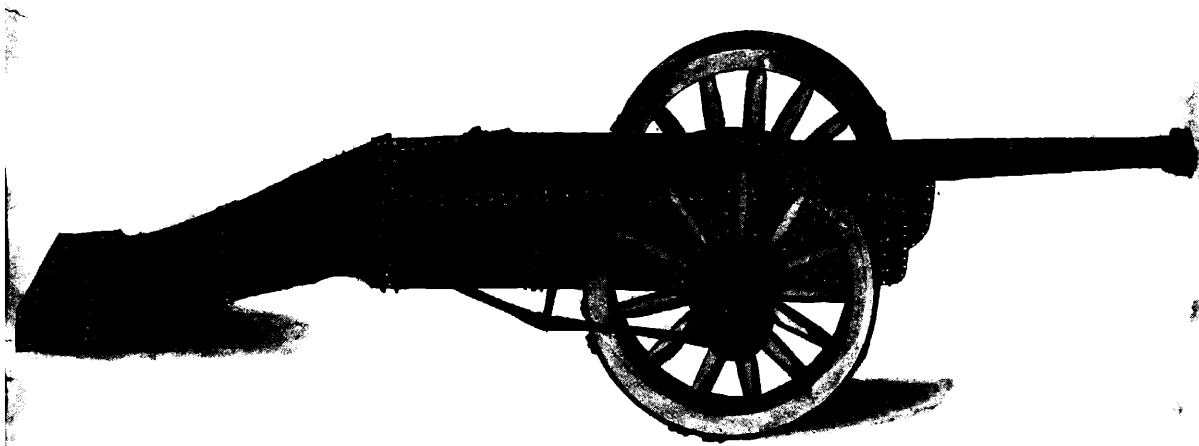
Константин Давыдович Засекин (?).

С одной стороны, польско-литовские войска превосходили русских совершенством и разнообразием организационно-тактических форм, вооружением. С другой стороны, силы короля оказались прижаты к берегу Днепра и возможность использования знаменитой ударной конницы на пересеченной местности, изобилующей естественными преградами (холмы, овраги, ельники), была ограничена.

Наличие очень мощного центра определил и выбор направления атаки на противника — русским воеводам ничего не оставалось, как бить по слабым флангам врага с надеждой зайти в тыл неприятеля, избегая сильного центра, которому им нечего было противопоставить. Но при такой конфигурации построений королевские войска могли выделять из глубокоэшелонированного центра силы для контрударов и перебрасывать их на фланги в помощь своим легким соединениям. Помимо этого, местнический спор воевод мог привести к несогласованности их действий. В конечном итоге все это и произошло на Оршанском поле 8 сентября 1514 г.

Сражение началось с перестрелки: полевые пушки сделали залп, в ответ «московиты» выпустили стрелы. В официальном описании битвы С. Гурского отмечается, что «для завязки битвы и возбуждения боевого духа сильнейшая сила московитов по склону и зарослям зашла в тыл королевским»¹⁶⁵. У М. Бельского также говорится, что «большое крыло московское за холмами наших атаковало»¹⁶⁶. Московиты, пишет «летучий листок» 1514 г., атаковали «как бешенные собаки».

В тексте Архангелогородского летописца недвусмысленно говорится о самовольной атаке правым крылом, без санкции главнокомандующего. «И нача первое битися князь Михайло Го-



Пушка «фельдшланг». Рисунок из «Арсенальных книг Максимилиана». 1502 г. (Bayerische Staatsbibliothek. Cod.icon 222)

лица... а Иван Андреевич в зависти не поможе князю Михаилу»¹⁶⁷. Воевода действовал по собственному почину, без согласования с воеводой А.И. Челядиным, с которым у него были натянутые отношения из-за местного спора.

Почему М.И. Булгаков-Голица решил наступать самостоятельно? Во-первых, главнокомандующий неудачно расположил войско таким образом, что еще до начала сражения пушки первой линии могли безнаказанно обстреливать выдвинутый в авангард Передовой полк. Станислав Сарницкий, в описании которого есть ряд интересных подробностей сражения, отметил: «Вначале с правого боку Михайло с его 12 000 выступил, стрелы выпустил первый, как и немцы, стрельбой в неприятеля сделав дыру, потом туда заходят, так и те, что используют луки, стрелами не дают покоя коням и войску до тех пор, пока не совершат схватки»¹⁶⁸.

Огнестрельное оружие — пушки и аркебузы — в начале XVI столетия было еще далеко от совершенства. При длительности заряжания и малой дистанции стрельбы оно, скорее, было моральным фактором. Но тем не менее несколько ядер «удачно» легли в первые ряды «москвитов».

Достаточно сильный «кулак» правого фланга, по мнению М. Булгакова-Голицы, мог сокрушить левое крыло противника и выйти в тыл всей королевской армии. В свою очередь

боярин Челядин не мог поощрить Голицу за излишнюю самостоятельность.

Итак, правое крыло атаковало между склоном холма и берегом. Натиск был стремителен. По традиции, осыпав врага градом стрел, новгородцы и псковичи врубались в боевые построения польских хоругвей. «Гуф» Тарновского и Самполинского был прижат к берегу Днепра.

Булгакова контратаковали хоругви польских панов и придворные рыцари: «Самполинский с придворным полком, не спросив разрешения главнокомандующего, ввязался в сражение и, убив многих («москвитов»), заставил их показать спины»¹⁶⁹. Но эта фаза боя была не такой скоротечной, как ее описывает С. Гурский — русских удалось отбросить только после третьей контратаки.

В одном из поэтических сочинений, посвященном Оршанской битве и содержащем ряд достоверных данных, которые, по словам историка Е.И. Кашпровского, проверяются «официальными актами»¹⁷⁰, говорится о таких упорных контратаках. Во время сечи погиб от стрел и сабель один из представителей знатного рода Зборовских — Ян, копытами новгородских лошадей был затоптан «сиятельный барон» Слупецкий.

По свидетельству Станислава Сарницкого, на полк Булгакова ударил сам гетман Януш Сверчовский с 2000 кавалерии из центра¹⁷¹.

Как известно, Януш Сверчовский командовал общими силами поляков, а Войцех Самполинский — только придворной хоругвью («придворным почтом», «придворной когортой»), в которой насчитывалось в самом лучшем случае 500 «коней». Следовательно, если

контратака людей Самполинского и имела место, то, скорее всего, представляла собой удар небольшими силами во фланг правой руки, который мог только отбросить противника на исходные позиции, но не разбить их. Заставить окончательно отступить московского воеводу, по нашему мнению, могла лишь атака крупными силами Сверчовского.

У С. Герберштейна, хотя и присутствует сбивчивое изложение событий, но моменты критического для польско-литовского войска положения показаны: «(литовцы), нисколько не оробев, стали твердо и отбили их. Но вскоре к москвитам были посланы подкрепления, которые в свою очередь обратили литовцев в бегство. Таким образом, несколько раз то та, то другая сторона, получая подкрепления, поражала другую»¹⁷².

Полк Правой руки бился с противником при полном бездействии остальных частей. В Архангелогородском летописце эта фаза боя отмечена следующим образом: «И бившееся много и разступившись розно».

Вторая фаза боя началась с атаки Большого полка илевой руки: «По сигналу были сыграны приказы (а было у москвитов 500 труб), и остальные легионы (москвитов) с поднятыми знаменами устремились на королевских»¹⁷³. В Архангелогородском же летописце, напротив, рассказывается о натиске литовцев: «И вдруг литва пришла на Ивана Андреевича, и начать Иван Андреевич своим полком битися с литвою, а князь Михайло Ивану Андреевичу не поможет. И бившееся много и разступившееся, а силы паде на оboих ступех стран много». Князь М.И. Булгаков-Голица после неудавшейся атаки приводил расстроенные дворянские сотни в порядок и оказать поддержку И.А. Челядину, даже при желании (а желания у него явно не было), не мог.

Передовой полк атаковал расположения наемной пехоты в центре. Стойкие наемники-драбы, в свою очередь, смогли отразить атаки нестройных дворянских сотен Передового полка, обрушив на него силу огня всего центра. Пробить первую линию бомбард, сплошную стену щитов-павез, ошестинившуюся пикинерскими пиками («списами») и алебардами, русским было не под силу. Действия Передового полка князя Темки-Ростовского можно увидеть на картине «Битва под Оршей».

Сам командир показан сидящем на сивом коне в расшитой спереди белой шапке с меховой опушкой, в красном кафтане с горностаями.

Наступление левого крыла на позиции посполитого рушения развивалось поначалу удачно, но, увлекшись атакой, русские открыли свой тыл перед артиллерийской засадой в ельнике. В официальной летописи говорится: «С королевскими же воеводами многие желныры с пищалми, а место пришло тесно, и биша из лесов великого князя людей». Залп фельдшлангов и ручниц в узком дефиле («а место пришло тесно») пришлось по линиям полкалевой руки и Передового полка, очевидно, с фланга «и убиша ис пушки в Передовом полку воеводу князя Ивана Ивановича Темку Ростовского»¹⁷⁴. В панике отряды обратились в бегство: «Сдавливаемые спереди королевскими, а сзади своими отрядами (до которых не дошли королевские) и повергаемые ранами от орудий пехоты, (моско-

«Сражение польского короля с москвитом». Гравюра 1514 г.



виты) стали с боков выходить из сражения»¹⁷⁵. Из описания Бельского следует, что центр русских показал тыл только тогда, когда побежали крылья¹⁷⁶. У С. Герберштейна наоборот: «Завидев это бегство, отступили и оба русских крыла». Архангелогородский летописец отмечает, что после разгрома корпуса А.И. Челядина литовцы добились правое крыло Булгакова¹⁷⁷. В погоню за отступающими русскими Острожский отправил резерв — 800 поляков¹⁷⁸.

Основные потери русская армия понесла не в ходе сражения, а при беспорядочном отступлении — «в этом бегстве произошло избиение московитов». С. Гурский рисует поистине апокалипсическую картину с подробным описанием кровавых сцен и гор трупов: «На поле были видны претерпевшие убийство тела, с вытекшей на землю кровью, лежащие без голов, рук или ног, а у иных голова была разбита молотом или рассечена надвое, у кого обнажен позвоночник, у кого выпали кишки, у кого отсечено от тела плечо с рукой, у кого разбиты мечом лицо или рот, кто разрублен от головы до пупа, в ком торчало копьё, кто стонал, кто испускал дух, кто раздавлен конями, кто завален огромными тушами лошадей. Очень печально и ужасное для самого Господа зрелище. Даже в болотистом русле Кропивны и на ее обрывистых берегах, в 4 милях от места битвы лежало большое количество московитов вместе с лошадьми, так что течение было запружено наваленной кучей трупов, и наши, сжигаемые жаждой, зачерпывали шлемами и пили кровавую воду»¹⁷⁹. Факт гибели части московского войска на крутых берегах Кропивны подтверждается известием Псковской летописи: «иные побегоша к Смоленску, а иные в реки непроходимые забегоша»¹⁸⁰.

Преследование продолжалось на протяжении 4–8 миль от места битвы. К вечеру вернулась кавалерия, отправленная в погоню, привезя с собой пленников.

На второй день после поражения государь покинул город; в самом Смоленске царили пораженческие настроения. «И то уведа владыка Смоленский (епископ Варсонофий. — А.Л.), что князя великаго урон, и он нача со князьями смоленскими и с паны мыслити измену великому князю»¹⁸¹. Летописи приводят рассказ, что владыка послал к королю своего племянника Васью Ходыкина с письмом: «аще ныне

подвигнешися сам ко граду Смоленску, или воеводы свои со многими людьми пошлещи, можеши ныне град без труда взяти»¹⁸². Измена была вскрыта наместником Смоленским боярином кн. В.В. Шуйским. Заговорщики были арестованы, а город стал готовиться к обороне.

Но после победы польско-литовская армия осталась на поле. Острожский не двинулся с места до тех пор, пока, наконец, не получил подкрепления от короля — до 4000 воинов, а «для укрепления тела дал с собой хлеб, и приказал победоносному войску использовать удачу и в завершение успеха как можно скорее захватить обратно Смоленск»¹⁸³. Архангелогородский летописец — один из немногих источников, который засвидетельствовал численность армии Острожского: «во шти тысячах с литвою приде о Смоленск». На поле боя остались поляки и наемники, а также часть «посполитого рушения». В конце сентября к Смоленску выдвинулись до 2000 ополчения и 4000 не участвовавших в битве «почтов» радных панов, которых прислал король из Борисова.

Острожский двинулся к Смоленску не ранее чем через 2,5 недели после сражения. Согласно белорусско-литовским хроникам, «в чотырах неделях князь Константин Острожский з войском литовским ходил под Смоленск»¹⁸⁴. Князь Мстиславский, совсем недавно целовавший крест московскому государю, понял, на чьей стороне фортуна. К королю был послан «служебник» с листом, где объявлялась верность Сигизмунду¹⁸⁵. Свои делегации с изъявлением покорности королю прислали также Кричев и Дубровна.

Но благоприятное время было упущено. М. Бельский сетовал на то, что если бы победители сразу пошли «за разбитой москвой», то могли бы «Смоленска достать»¹⁸⁶. Литовские войска, пришедшие под город, увидели болтающиеся на торчащих из-за стен жердях повешенные тела заговорщиков. «И узре князь Василей Шуской з города силу литовскую и начат князей смоленских и панов вешати з города на ослядех». Тех, кто изменил государю, наместник велел вешать с дорогими подарками — кого государь в свое время одаривал шубой, «того и в шубе повесил», «а которому... дал ковш серебряной или чарку серебряну, и он (Василий Шуйский. — А.Л.), ему на шею связав, да и того повесил»¹⁸⁷.

Тщетно литовцы пытались взять Смоленск приступом. Оставшиеся верными московскому князю смоляне вместе с гарнизоном единодушно «стояху и из града почасту исхождаху и с ними крепко бяхуся». Взять город так и не удалось, кроме того, под стенами цитадели князь Острожский потерял значительную часть своего обоза («многие возы и телеги с скарбом оставивше»). О потере войскового имущества под Смоленском пишет и Мацей Стрыйковский¹⁸⁸. Таким образом, захват литовских обозов под Смоленском действительно имел место, только М. Стрыйковский объясняет его падежом лошадей, а официальная летопись — активными действиями кн. В.В. Шуйского, вынудившего Острожского оставить «возы и телеги с скарбом».

Интересно, как освещали события после осады Смоленска польско-литовские и русские источники. Отечественные летописи говорят, что оршанский победитель князь Острожский вернулся «с великим срамом», тем самым как бы сглаживались результаты неудачной битвы под Оршей. Западные хроники, наоборот, пишут о триумфе, несмотря на то, что под Смоленском потерпел неудачу: «Потом король войско распустил, границу жолнерами укрепил, а князя Константина с великим триумфом в Вильно встречал»¹⁸⁹.

Еще не были погребены все павшие на поле сражения, как королевская канцелярия составила первые официальные известия о великой победе. В европейских архивах сохранилось большое количество писем и победных реляций. В этих эпистолярных источниках, написанных даже рукою одного адресата, присутствуют противоречивые данные: в письмах венгерскому королю (12 сентября)¹⁹⁰, гроссмейстеру и ливонскому магистру (14 сентября)¹⁹¹, венецианской синьории и дожу (14 сентября). Адресаты узнали из писем от польского короля о грандиозном сражении, в ходе которого из 80 000 врагов 30 000 убито в сражении, 8 главных воевод, 37 князей, баронов и знатных дворян, помимо этого 1500 воинов попало в неволю. Но в послании Папе Римскому (18 сентября) Леону число пленных дворян было увеличено до 2000 чел.¹⁹² Такие же послания с известиями о победе почти одновременно получили епископ Ян Конарский

и кардинал Джулио Медичи¹⁹³. Не отставали в информировании о победе и частные лица. Мацей Джевицкий, епископ Вроцлавский, в письме в Венецию 29 сентября патрициям Николо и Бернарду Джоржи сожалел, что поздно сообщает «о последней триумфальной победе Сигизмунда над восьмьюдесятью тысячами московитов, в результате которой три тысячи знатных врагов пойманы в плен на месте сражения»¹⁹⁴. 21 сентября 1514 г. епископ Фабиан Эрмландский из Хайлсберга сообщал о битве под Оршей, приобщив к посланию копию письма своего информатора из Вильно¹⁹⁵. Пересылаемые сведения в целом повторяли содержание победных реляций.

Канцелярия Сигизмунда в своих действиях не была последовательна и еще не определилась с окончательным «подсчетом» потерь противника, однако поспешила распространить первые официальные известия, в которых отсутствовала какая-либо целостная картина битвы. Данные о численности войск брались совершенно произвольно, и вряд ли у нас имеются основания доверять тем или иным сведениям, вышедшим из-под пера королевской канцелярии с одной целью — с помощью «тмочисленных» цифр произвести грандиозное впечатление. С начала 1515 г. появилось большое количество поэтических произведений, посвященных триумфу Сигизмунда¹⁹⁶.

Попутно в послании архиепископу Яну Ласкому 25 сентября 1514 г. король озвучил другие цифры: он якобы видел «простерты на 8 римских миль горы трупов врагов, там на месте битвы лежало более шестнадцати тысяч»¹⁹⁷.

Впоследствии в сочинениях хронистов XVI в. число убитых «московитов» возросло до 40 000, а количество пленных — до 5000.

Завышая потери противника, в то же время были значительно уменьшены собственные. По официальным данным, в кровопролитной битве погибли «2 сиятельных барона, Зборовский и Слупецкий, которых похоронили в Вильно у бернардинцев. Из королевских воинов было убито 500, ранено много больше»¹⁹⁸. Скорее всего, С. Гурский и другие хронисты упомянули только рыцарей, судьба же «почтовых» и рядовых воинов их не интересовала¹⁹⁹.

Особо следует сказать о пленных²⁰⁰. О 1500–2000 захваченных «вязней» писал в



Пленный воевода боярин Иван Андреевич Челядин. Рисунок из нижненемецкой рукописи XVI в.

хвастливых посланиях Ягеллонский двор, и цифры эти не подтверждаются документальными источниками — актами Литовской метрики. Если в польских сочинениях фигурировали 1500–2000 пленников, то в беларусско-литовских летописях остались более скромные цифры. Так, «Хроника Литовская и Жмойтская» свидетельствует, что «детей боярских живых приведено личбою 596», по летописи Рачинского «живых прыведено всих у личбе трыста осмдесят. Детеи боярских тых всих по замкох литовских послано у везэне, а простых людеи, которых живых поимали, нельзе и выписати множества для», а Евреиновская летопись упоминает «детей 380 боярских много живых приведено всех в счете». Из этого можно заключить, что в плен захвачено ок. 600 чел., из них 380 детей боярских, а остальные — боевые слуги. Сохранившиеся списки «московских вязней» 1514–1538 гг. перечисляют еще меньше — не более двух сотен человек. В любом случае, ни о каких тысячах пленников речи быть не может.

И все же ягеллонская пропаганда постаралась по максимуму использовать пленников в качестве орудия ягеллонской пропаганды. Живым воплощением «великого триумфа» закованных узников демонстрировали во дворах

европейских правителей. Несколько пленников Сигизмунд отправил в Венгрию, Венецию и Италию, где послы демонстрировали живые «доказательства победы над схизматиками». Первая демонстрация происходила в столице Великого княжества Литовского. В тенденциозном труде С. Гурского имеется следующее свидетельство: «От неверных соседей прибыли в королевскую Вильно легаты крестоносцев из Пруссии и Ливонии, без иной большой причины, кроме как посмотреть на победоносное и триумфальное прибытие короля в город, где по порядку и в (большом) числе прошли их союзники из Москвы, все вожди войска, пленные в цепях и оковах. Прикрывая свое коварство, притворно и с неохотной душой они присоединились к поздравлениям с победой над москвитами, поскольку счастье короля и поражение и оковы их союзников рвали им внутренности»²⁰¹.

Но разведка у крестоносцев работала неплохо, поэтому известия о «большом сражении у Орши на Днестре» дошли до динабургского комтура в сентябре 1514 г., а комтур в свою очередь препроводил донесения в канцелярию Ордена (письма датированы 16 и 17 сентября 1514 г., т.е. спустя неделю после битвы!). Агент сообщал: «Воинство Его Королевского Величества дало сражение под Оршей на (Д)неп(р)е, и значительное число москвитов было там убито и захвачено в плен живыми, как говорят, около 2 тысяч». Сложно сказать по этой фразе, что имел в виду агент, говоря о 2 тысячах, — это общие потери убитыми и пленными («dotgeslagenn unnd levendich gefanngen, so men secht, by II^M») или только пленными? Важно отметить, что в приложении на двух листах была приведена роспись «пленных москвитов» — первый ранее неизвестный поименный список пленников, перечисляющий 9 воевод и 38 «господ герцогов и других благородных людей»²⁰².

Несмотря на широкую пропаганду «оршанского триумфа», отношения России и Тевтонского ордена не претерпели существенных изменений в 1514–1515 гг. и в дальнейшем значительно укрепились²⁰³.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ряде современных работ, главным образом польских, белорусских и литовских, можно встретить суждение о том, будто бы «победа в битве спасла Литву от нашествия». Подобные утверждения восходят к победным реляциям 1514–1515 гг. Однако серьезно относиться к этому невозможно: ни малочисленный отряд Булгакова-Голицы, отправленный на опустошение приграничных районов у Орши и Друцка, ни рать Челядина, пришедшая для защиты смоленского направления, не угрожали независимости Великого княжества Литовского.

Считается, что потрясенный европейскими известиями о поражении союзников-московитов, император Максимилиан стал искать примирения с Сигизмундом и отказался

подписать договор с Василием Иоанновичем, из-за чего широкая коалиция против Польской Короны и ВКЛ распалась. Однако изучение дипломатических документов показывает, что проект союза распался еще до злополучного сражения.

Хитрый «цесарь» не решил связывать себя обязательствами, оговоренными его же послом Шнитценпаумером в Москве в марте 1514 г. К Иванову дню (24 июня) имперские войска должны были выступить против Польши, тем самым связать ее боевыми действия-

*Панорамный план г. Вильно.
Раскрашенная гравюра XVI в.*



ми и не допустить оказания помощи Великому княжеству Литовскому. Но война так и не состоялась, а польские отряды в скором времени пополнили войско Константина Острожского. Таким образом, еще задолго до Оршанской битвы Максимилиан не проявлял желания участвовать в кампании, предоставив эту возможность союзникам. В текст договора, заключенного Шнитценпаумером еще весной, 4 августа 1514 г. были внесены значительные изменения: вместо четких пунктов о совместной войне против Ягеллонов предлагалось прежде попытаться мирным путем склонить польского короля к удовлетворению требований союзников и только в случае его отказа исполнить эти требования — открыть военные действия. Государь Василий Иоаннович категорически отказался от такого изменения в содержании грамот, что в итоге привело к «замораживанию» русско-австрийского союза.

Российское государство не лишилось своего военного потенциала — уже через несколько месяцев воеводские полки опустошали Литву. К Мстиславлю ходила рать князей Б.И. Горбатого и С.Ф. Курбского, к Белой и Витебску — отряд В.Д. Годунова, к Дорогобужу — воеводы кн. Данила Васильевича Щени. Дерзким набегом 28 января 1515 г. псковским наместником А.В. Сабу-

ровым был взят Браславль. Зимой 1515 г. опустошительным смерчем прошла армия кн. В.В. Шуйского по Литовской земле. По справедливому замечанию А.А. Зимина, битва под Оршей «задержала развитие русских успехов, но не могла их нейтрализовать».

Сражение на Оршанском поле можно назвать крупным тактическим, но никак не стратегическим успехом Литовского княжества. По наблюдению имперского посла Сигизмунда Герберштейна «эта победа не дала королю ничего, кроме возвращения трех крепостей по сторону Смоленска». В 1516–1522 гг. противники обменивались колкими ударами. В 1517 г. единственное контрнаступление польско-литовских войск потерпело крах под маленькой крепостью Опочкой. Несмотря на то что воеводам Василия III не удалось взять в 1518–1521 гг. Витебск и Полоцк, все же инициатива до конца войны находилась в руках русских. Русские войска неоднократно вторгались в пределы ВКЛ, в редких случаях встречая сопротивление, а в 1519 г. впервые в истории русско-литовского противостояния московская конница вышла на Виленский тракт, чем навела значительный переполох среди жителей столицы. В конечном итоге битва не повлияла на результаты войны 1512–1522 гг., поэтому вряд ли уместно представлять ее генеральным сражением.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Кашировский Е.И.* Борьба Василия III Ивановича с Сигизмундом I из-за обладания Смоленском (1507–1522) // Сборник историко-филологического общества при институте кн. Безбородко. Вып. 2. Нежин, 1899. С. 210.

² 1505–1514. Дипломатические сношения великого князя Василия Ивановича с королями Александром и Сигизмундом Казимировичами // Сборник Императорского русского исторического общества (далее — СИРИО). Т. 35. СПб., 1882. № XII. С. 492.

³ *Вержбовский Ф.* Материалы к истории Московского государства в XVI и XVII столетиях. Вып. 5. Московские посольства в Польше. Ч. 1. 1510–1585. Варшава, 1903. С. 1–2.

⁴ *Sach M.* Hochmeister und Großfürst. Die Beziehungen zwischen dem Deutschen Orden in Preußen und dem Moskauer Staat um die Wende zur Neuzeit. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2002 (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa. Bd. 62). P. 118–127.

⁵ Nachricht von dem Erfolg... // Supplementum ad Historica Russiae monumenta. Petropoli, 1848. № CXXI. P. 353–354 (далее — SHR); *Joachim E.* Die Politik des letzten Hochmeisters in Preußen Albrecht von Brandenburg. Thel I (1510–1517). Leipzig, 1892. № 28; *Sach M.* Hochmeister und Großfürst. С. 127–128.

⁶ *Sach M.* Hochmeister und Großfürst. P. 128–129.

⁷ Sigismundus, Rex — Jo. Golawinski et Jacobo Rosnowski // Acta Tomiciana (далее — АТ). Posnaniae, 1855. Т. I. № CCXXXIV. P. 188–189.

⁸ *Strykowski M.* Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi. Т. 2. Wyd. nowe. Warszawa, 1846. P. 373.

⁹ *Зимин А.А.* Россия на пороге Нового времени. М., 1972. С. 147.

¹⁰ С Кревской унии 1385 г. ВКЛ и Королевство Польское находились в династическом союзе — у них был единый король из династии Ягеллонов. До Люблинской унии 1569 г. неоднократно рассматривался вопрос слияния государств в единое государство. В 1501 г. к совместному Городненскому сейму были выработаны прелиминарные статьи договора, согласно которым оба государства будут неразлучны «в счастья и несчастья; будут иметь одну монету, но отдельные суды и должности». Но условия договора были выполнены лишь отчасти (*Любавский М.К.* Очерк истории Русско-Литовского государства до Люблинской унии включительно. М., 1915. С. 195–196).

¹¹ Responsum Consiliariorum R. Polonie datum Lithuanorum // АТ. Т. II. № XXXVI. P. 45–48.

¹² *Pułaski K.* Stosunki z Mendli-Girejem chanem Tatarów Perekopskich (1469–1515): akta i listy. Warszawa, 1881; P. 178, 180; *Любавский М.К.* Литовско-Русский сейм. С. 195.

¹³ 1505–1514. Дипломатические сношения великого князя Василия Ивановича... // СИРИО. Т. 35. № 84. С. 490.

¹⁴ Monumenta Poloniae historica = Pomniki dziejowe Polski. Т. 4. Lwów, 1888. С. 307–308.

¹⁵ GStAPK. XX HA (Hist. StA Königsberg). OBA. Nr 19668.

¹⁶ *Лобин А.Н.* Битва под Оршей 8 сентября 1514 г.: к 500-летию сражения. СПб., 2011. С. 39, 45.

¹⁷ Anno domini millesimo quingentesimo quartodecimo // Acta Tomiciana (далее — АТ). Т. III. 1514–1515. Poznanae, 1853. Nr I. P. 2.

¹⁸ *Рябинин И.С.* Новое известие о Литве и москвитях: К истории второй осады Смоленска в 1513 г. // Чтения в Обществе истории и древностей Российских (далее — ЧОИДР). 1906. Кн. III. Смесь. С. 6.

¹⁹ Псковские летописи / Подг. к печати А. *Насонов*. Вып. 1. М.; Л., 1941. С. 97.

²⁰ *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 142.

²¹ Псковские летописи. Вып. 1. М., 1955. С. 97.

²² Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. I. М., 1977. С. 124–125.

²³ Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 192–193; Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Л., 1929. С. 538.

²⁴ Sigismundus, Rex, Gedanensibus // АТ. Т. II. № CLXXVIII. P. 163; Sigismundus, Rex — Stanislae de Kostielecz... // Ibid. № CLXXIX. P. 163–164.

²⁵ *Strykowski M.* Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi. Т. 2. Wyd. nowe. Warszawa, 1846. P. 373.

²⁶ *Pułaski K.* Stosunki z Mendli-Girejem, chanem Tatarów Perekopskich. № 138. P. 406–408 (грамота Менгли-Гирею); P. 408–410 (инструкция послам).

²⁷ Vorläufige Nachricht an den Meister in Liefland... // SHM. № CXLII. P. 355–356.

²⁸ Maximilianus Romanorum Imperator — Alberto Marchioni, Magistro et Cruriferis in Prussia // АТ. Т. II. Nr CCXXIX. P. 188. — Вариант перевода см.: *Кашировский Е.И.* Борьба Василия III Ивановича... С. 214–215.

²⁹ GStAPK. XX HA (Hist. StA Königsberg). OBA. Nr 19713.

³⁰ Sigismundus, Rex — Vladislao, Regi Hungarie etc. // АТ. Т. II. № CCXVIII. P. 183. — Письмо не датировано, но находится между письмами 26 и 30 марта.

- ³¹ GStAPK. XX HA (Hist. StA Königsberg). OBA. Nr 19676. fol. 1–2.
- ³² Ibid.
- ³³ Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955. С. 259.
- ³⁴ Sigismundus, Rex — Joanni Laski, Archiepiscopo // AT. T. II. Nr CLXVII. P. 157.
- ³⁵ Ibid. Nr CCIII. P. 176–177.
- ³⁶ Ibid.
- ³⁷ Sigismundus, Rex — Vladislao, Regi Hungarie etc. // AT. T. II. Nr CCXVIII. P. 183. — Письмо не датировано, но находится между письмами 26 и 30 марта.
- ³⁸ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 49–50.
- ³⁹ Sigismundus, Rex — Nicolao de Camenezc // AT. T. II. № CCLXXVI. P. 215.
- ⁴⁰ [1513 г.] июня 2. Ответное послание Сигизмунда I киевскому воеводе Ю.М. Радзивиллу // Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки: первая половина XVI в. / Сост. М. М. Кром. М. Варшава, 2002 (Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. VI). С. 23.
- ⁴¹ Софийская вторая летопись // Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 6. СПб., 1853. С. 253.
- ⁴² Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. I. С. 133–135.
- ⁴³ «под Полоцким воеводы сошлись и были по полком под Полоцким по новой росписи» (Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. I. С. 135–136).
- ⁴⁴ Рябинин И.С. Новое известие о Литве и москвичах: К истории второй осады Смоленска в 1513 г. // ЧОИДР. Кн. III. 1906. Смесь. С. 6.
- ⁴⁵ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 116, 173.
- ⁴⁶ Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 194.
- ⁴⁷ Рябинин И.С. Новое известие о Литве и москвичах. С. 6.
- ⁴⁸ Sigismundus, Rex — Joanni Lubranski, Episcopo Posnaniensi // AT. T. II. № CCCLIX. P. 261–262 (9 ноября).
- ⁴⁹ Sigismundus, Rex — Nicolao de Camenezc // AT. T. II. № CCCXXV. P. 244 (9 сентября).
- ⁵⁰ Устюжская летопись // ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 100.
- ⁵¹ Sigismundus, Rex — Joanni Konarski, Episcopo Cracoviensi // AT. T. II. № CCLXX. P. 239.
- ⁵² GStAPK. XX HA (Hist. StA Königsberg). OBA. Nr 19856.
- ⁵³ Любавский М.К. Литовско-русский сейм. С. 198.
- ⁵⁴ Fedus inter Regem Sigismundum et Mendikierej // AT. T. II. № CCCXXI. P. 239–241. Ср. с «Докопчаньем с царем перекопским» от 5 сентября: *Putaski K.* Stosunki z Mendli-Girejem, chanem Tatarów Perekopskich. № 143. P. 416–418.
- ⁵⁵ *Plewczyński M.* Wojny i wojskowość polska w XVI wieku. T. I. Lata 1500–1548. Zabrze, 2011. P. 181–182.
- ⁵⁶ Рябинин И.С. Новое известие о Литве и москвичах. С. 5.
- ⁵⁷ Sigismundus, Rex — Fabiano, Ep. Varmiensi // AT. T. II. № CCLXXIII. P. 214.
- ⁵⁸ Рябинин И.С. Новое известие... С. 5.
- ⁵⁹ Sigismundus, Rex — Joanni, Ep. Culmensi // AT. T. II. № CCCXLVI. P. 255 (письмо от 8 октября).
- ⁶⁰ Рябинин И.С. Новое известие... С. 6.
- ⁶¹ Lietuvos Metrika (далее LM). Vilnius, 2011. Кн. 7. P. 643–644.
- ⁶² Любавский М.К. Литовско-русский сейм. С. 196.
- ⁶³ LM. Кн. 7. P. 294.
- ⁶⁴ *Кашировский Е.* Борьба Василия... С. 226–227.
- ⁶⁵ Anno domini millesimo quingentesimo quartodecimo. P. 2.
- ⁶⁶ LM. Кн. 7. P. 303–304.
- ⁶⁷ Разрядная книга 1475–1605 гг. С. 139–140.
- ⁶⁸ Там же. С. 140.
- ⁶⁹ GStAPK. XX HA (Hist. StA Königsberg). OBA. Nr 20202.
- ⁷⁰ Anno domini millesimo quingentesimo quartodecimo // AT. T. III. № I. P. 2.
- ⁷¹ *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 142.
- ⁷² *Strykowski M.* Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846. Т. 2. P. 375.
- ⁷³ AT. T. III. CCXVI. P. 154. — Цит. по: *Кашировский Е.И.* Борьба Василия... С. 236.
- ⁷⁴ Sigismundus, Rex — Vladislao, Regi Hungarie et Bohemie // AT. T. III. № CCXVI. P. 153–155; Sigismundus, Rex — Leoni, Pape X // AT. № CCXXXII. P. 182–183; Anno domini millesimo quingentesimo quartodecimo // AT. T. III. № I. P. 2. Ср.: *Decius J.* De Sigismundi regis temporibus liber III. Cracoviae, 1521. P. LXXXVII.
- ⁷⁵ *Кашировский Е.И.* Борьба Василия III Ивановича... С. 240.
- ⁷⁶ Архангелогородский летописец // ПСРЛ. Т. 37. С. 101.
- ⁷⁷ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. 13. Ч. I. СПб., 1904. (Далее — Никоновская летопись) С. 20.
- ⁷⁸ LM. Кн. 7. P. 303–304.
- ⁷⁹ Там же.
- ⁸⁰ ПСРЛ. Т. 35. С. 126; *Chronica* // AT. T. III. № CCXX. P. 157–158. Минские письма Сигизмунда датируются 26 июля.
- ⁸¹ LM. Кн. 7. P. 302–303; *Putaski K.* Stosunki z Mendli-Girejem. P. 432.
- ⁸² LM. Кн. 7. С. 303; *Putaski K.* Stosunki z Mendli-Girejem. P. 432–433.
- ⁸³ *Petrus Tomiczki, Eps. Premislientis, Christophoro de Schidlowyecz, Castel. Sandom* // AT. T. III. № LXXXI. P. 71.
- ⁸⁴ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 55–56.
- ⁸⁵ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. I. С. 143.
- ⁸⁶ Там же. С. 56, 64.
- ⁸⁷ *Антонов А.В., Кром М.М.* Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. Вып. 7. М., 2002. С. 173.
- ⁸⁸ LM. Кн. 7. P. 302–303; *Putaski K.* Stosunki z Mendli-Girejem. P. 432–433.
- ⁸⁹ Sigismundus, Rex — Stanislaw de Chodecz, Marschalco Regni // AT. T. III. № CCX. P. 150.
- ⁹⁰ Лист князю Михайлу Ивановичу Мстиславскому // АЗР. Т. II. № 92. С. 170–171.
- ⁹¹ *Exemplum litterarum Regis Poloniae ad regem Hungariae et Bohemiae* // I diarii di Marino Sanuto: (MCCCCXCVI–MDXXXIII) dall' autografo Marciano ital. T. XIX. Venezia, 1887. P. 252–253.

- ⁹² Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. I. С. 142.
- ⁹³ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 55. — у М. Глинского в отряде было всего 1000 всадников — Petrus Tomiczki, Eps. Premislientis, Christophoro de Schidlowyczc, Castel. Sandom // AT. Т. III. № LXXXI. P. 71
- ⁹⁴ GStAPK. XX HA. OBA. 20202. Fol. 3.
- ⁹⁵ Герберштейн С. Записки о Московии. С. 190.
- ⁹⁶ Chroniconum Bernardi Vapovii partem posteriorem 1480–1535 // Scriptorum rerum Polonicarum. Cracoviae, 1874. Т. 2. P. 118; Sigismundus, Rex — Mathie Drzeiczki // AT. Т. III. № CCXXII. P. 159.
- ⁹⁷ Герберштейн С. Записки о Московии. С. 190.
- ⁹⁸ Архангелогородский летописец // ПСРЛ. Т. 37. С. 101.
- ⁹⁹ Никоновская летопись. С. 21.
- ¹⁰⁰ Впервые эта методика была предложена нами в ходе дискуссии: Лобин А.Н. К вопросу о численности вооруженных сил Российского государства в XVI в. // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2009. № 1–2 С. 45–78.
- ¹⁰¹ Подробнее см.: Бенцианов М.М., Лобин А.Н. К вопросу о структуре русской армии в битве при Орше // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2013. № 2. С. 155–179.
- ¹⁰² См.: Смирнов Н.В. Боевые слуги в составе русской поместной конницы в период Ливонской войны [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2013. Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. Ч. I. Статьи. Вып. 2. С. 296–338. — URL: http://www.milhist.info/2013/08/20/smirnov_01.
- ¹⁰³ В списке пленных фигурируют 6 татар знатного происхождения — Реистр и имена всех вязъней московских... № 74. С. 87–88. — О татарах см.: Беляков А.В. Служилые татары Мещерского края XV–XVII вв. // Единорогъ: Сборник документов и материалов по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 1. М., 2009. С. 160–195.
- ¹⁰⁴ Anno domini millesimo quingentesimo quartodecimo. P. 3.
- ¹⁰⁵ Герберштейн С. Записки о Московии. С. 70; Die Schlacht von dem Kunig von Poln und mit dem Moscowiter. P. I., [1514]; Decius I.L. De Sigismundi regis temporibus liber III. Cracoviae, 1521. P. XC. Chroniconum Bernardi Vapovii... P. 117–123; ПСРЛ. Т. 35. С. 105; Opis bitwi pod Orsza wedlug Stanislawia Sarnickiego // Wypisy Źrodlowe zeszyt do Historii Polskiej Sztuki Wojennej. Т. IV. Warszawa, 1958. P.140.
- ¹⁰⁶ Любавский М.К. Литовско-русский сейм. С. 198
- ¹⁰⁷ Довнар-Запольский М.В. Польско-литовская уния на сеймах до 1569 года. М., 1897. С. 5–6, 23–27.
- ¹⁰⁸ Акты Литовско-русского государства, изданные Довнар-Запольским. Вып. 1. М., 1900. С. 1390–1539; № 138. С. 155. — Ср.: LM. Kn. 7. P. 642–643.
- ¹⁰⁹ Sigismundus, Rex — Andree de Koszczelycz // AT. Т. III. № CXXXI. P. 99–100.
- ¹¹⁰ Tyszkiewicz J. Ostatnia wojna z Zakonem Krzyżackim 1519–1521. Warszawa, 1991. P. 130.
- ¹¹¹ Petrus Tomiczki, Eps. Premislientis, Christophoro de Schidlowyczc, Castel. Sandom // Acta Tomiciana. Т. III. 1514–1515. Poznań, 1853. № LXXXI. P. 71.
- ¹¹² Надо отметить, что к похожему цифрам по наемникам пришел Г. Лесмайтис — 6800 чел. (*Lesmaitis G. Lietuvos didžiosios kunigaikštystės samdomoji kariuomenė XV a.pab.–1570 m. Daktaro disertacija. Kaunas, 2005. P. 71.* — Впоследствии в своей книге историк округлил цифры до 7000: *Lesmaitis G. LDK samdomoji kariuomene XV a. pabaigoje — XVI a. antrojeje puseje. Vilnius, 2010. P. 78.*)
- ¹¹³ Decius I.L. De Sigismundi regis... P. XC; Sarnicii S. Annales sive de origine et rebus gestis Polonorum et Litanorum. Kraków, 1587. P. 385; Kronika Marcina Bielskiego. P. 972. См. также: *Korzon T. Dzieje wojen i wojskowości w Polsce. Т. 1. Lwów—Warszawa—Kraków, 1923. P. 258; Spieralski Z. Jan Tarnowski. P. 67; Plewczyński M. Wojny i wojskowość polska w XVI wieku. Т. I. Lata 1500–1548. Zabrze, 2011. P. 187.*
- ¹¹⁴ Pietkiewicz K. Dwór litewski... P. 100–104.
- ¹¹⁵ Anno domini millesimo quingentesimo quartodecimo. P. 4.
- ¹¹⁶ Plewczyński M. Wojny i wojskowość polska... P. 187.
- ¹¹⁷ «листы два по виленским двором, один по ошменской стороне, другой по завельской».
- ¹¹⁸ за исключением Троцкого и Упитского поветов.
- ¹¹⁹ «по троцким двором два листы — один по немонским двором, а другой по другой половине к Ейшикам».
- ¹²⁰ За исключением Мельницкого повета.
- ¹²¹ «лист до князя Семена Чорьторьского и до всего повета каменецкого».
- ¹²² «лист до князя пиньского».
- ¹²³ По «попису» 1528 г. паны-рада выставляли до 3947 чел. Примерно столько же (до 4000) и было оставлено при Сигизмунде в Борисове 30 августа 1514 г.
- ¹²⁴ Интересно отметить, что по переписи 1528 г. он выставлял 43 коня.
- ¹²⁵ [1514] июня 10. Список дворян, отправленных с В.А. Полубенским // Радзивилловские акты... № 3. С. 26–27; Sigismundus, Rex — Stanislaw de Chodecz // AT. Т. III. № CCX. P. 149.
- ¹²⁶ [1514] июня 15. Дворянский реестр // Радзивилловские акты... № 4. С. 31. — Интересно, что в документе присутствуют небольшие отряды с тех земель, которых изначально не затрагивал призыв. Так, в «дворянских реестрах» фигурирует полочане (до 300 чел.) и смоляне («сто и 15 ч(е)ловеков пеших смолян»). Последние, очевидно, в момент обложения Смоленска находились на службе вдали от крепости и не успели к началу осады.
- ¹²⁷ [1514] июня 15 и 18 июля. Дворянские реестры // Радзивилловские акты... № 3, 4. С. 28–33.
- ¹²⁸ «кто бы службы нашею и року умешкал, тогда тыи маюи караны быти шиями и именыи» (Акты Западной России. Т. II. № 88. С. 114–115).
- ¹²⁹ Напр.: AT. Т. III. № CCI–CCIII. P. 145–149. — См. также: Любавский М.К. Литовско-русский сейм. С. 201.
- ¹³⁰ Герберштейн С. Записки о Московии. С. 186–187.
- ¹³¹ Kaminski A.J. Dwa świadectwa rycerskich zaslug mieszczanina zywieckiego Jana Baszty // Gronie. 1938. № 8. P. 194–196.

- ¹³² GStAPK. XX HA (Hist. StA Königsberg). OBA Nr 20202. Fol. 3.
- ¹³³ Opis bitwi pod Orsza według Stanisława Sarnickiego // Wypisy Źródłowe zeszyt do Historii Polskiej Sztuki Wojennej. T. IV. Warszawa, 1958. P. 140.
- ¹³⁴ Anno domini millesimo quingentesimo quartodecimo. P. 4–6; Epistola Pusionis, Legati Apostoloci, ad Joannem Coritium, de Victoria Regis ex Moscisc // AT. T. III. № CCXLVI. P. 204.
- ¹³⁵ Die Schlacht von dem Kunig von Poln und mit dem Moscowiter. P. I. [1514]; Warhafftiger anfang und underricht der schlacht, so der König zu Poln... mit dem Herzogen zu Moscovia... gehab. P. I [1514].
- ¹³⁶ «Наши, когда узнали об количестве неприятеля (а было тех тысяча триста воинов), выбрали против них шестьсот всадников...». Epistola Pusionis, Legati Apostoloci, ad Joannem Coritium, de Victoria Regis ex Moscisc // AT. T. III. № CCXLVI. P. 204.
- ¹³⁷ Anno domini millesimo quingentesimo quartodecimo. P. 4–6.
- ¹³⁸ Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkij Rusi. T. 2. Warszawa, 1846. P. 379; Список гр. Рачинского // ПСРЛ. Т. 17. СПб., 1907. С. 347. — Ср.: Евреиновский список // Там же. С. 403–404.
- ¹³⁹ GStAPK. XX HA (Hist. StA Königsberg). OBA Nr 20215 Einlage 2.
- ¹⁴⁰ [1519] 05.24. Регистръ и имена всех вязъней московских, где которыхы, в которомъ замьку седять по Великому Кн(я)зьству Литовскому // Lietuvos Metrika=Lithuanian Metrica=ЛМ. Кн. 11 (1518–1523): Įrašų knyga 11. Vilnius, 1997. P. 87–92.
- ¹⁴¹ Волынский краткий летописец // ПСРЛ. Т. 35. С. 125.
- ¹⁴² Архангелогородский летописец // ПСРЛ. Т. 37. С. 101.
- ¹⁴³ Anno domini millesimo quingentesimo quartodecimo. P. 4–6.
- ¹⁴⁴ Ibid.
- ¹⁴⁵ Epistola Pusionis, Legati Apostoloci, ad Joannem Coritium, de Victoria Regis ex Moscisc // AT. № CCXLVI. P. 204.
- ¹⁴⁶ Белорусский историк А.В. Казаков предлагает собственную попытку реконструкции места сражения. По его мнению, битва произошла на правом берегу Крапивны, а не на левом (Казаков А. Дзе адбылася Аршанская бітва 1514 г.? // Герольд-Litherland. Nr 20. 2014. С. 4–29). Мы, в свою очередь, никак не можем согласиться с подобной трактовкой, основанной в большей степени на логических построениях, чем на источниковой базе.
- ¹⁴⁷ Anno domini millesimo quingentesimo quartodecimo. P. 4–5. — Ср.: Opis bitwi pod Orsza według Stanisława Górskiego. P. 139.
- ¹⁴⁸ Strykowski M. Kronika Polska, Litewska... P. 380.
- ¹⁴⁹ AGAD. Archiwum publiczne Potockich. Rkps. 325 (Księgi hetmańskie S. Sarnickiego). S.387. — Выражаю признательность Г. Лесмайтису за указание на ценный источник.
- ¹⁵⁰ Warhafftiger anfang und underricht der schlacht, so der König zu Poln... mit dem Herzogen zu Moscovi... gehab. P. I. [1514]. P. 3–4.
- ¹⁵¹ Tarnowski Jan. Consilium rationis bellicae. L. IX.
- ¹⁵² Герберштейн С. Записки о Московии. Прим. С. 70.
- ¹⁵³ 14 июля 1500 г. на реке Ведрошь близ Дорогобужа состоялось сражение между русскими войсками под командованием кн. Д.В. Щени и литовскими войсками кн. К.И. Острожского. В ходе сражения угодившие в западную литовские полки потерпели сокрушительное поражение, весь командный состав попал в плен.
- ¹⁵⁴ Wypisy Źródłowe zeszyt do Historii Polskiej Sztuki Wojennej. T. IV. Warszawa, 1958. P. 140–144.
- ¹⁵⁵ Летопись по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. 8. СПб., 1859. С. 258.
- ¹⁵⁶ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 58.
- ¹⁵⁷ Anno domini millesimo quingentesimo quartodecimo // AT. T. III. № I. P. 4–6.; Wypisy Źródłowe zeszyt do Historii Polskiej Sztuki Wojennej. P. 141.
- ¹⁵⁸ Послужной список старинных бояр... // Древняя Российская вивлиофика, изданная Н. Новиковым. Ч. 20. М., 1791. С. 15.
- ¹⁵⁹ Василий Иванович писал указы «к угорским воеводам князю Михаилу Ивановичю Булгакову да Ивану Андреевичю»: Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 45, 46.
- ¹⁶⁰ Софийская 2-я летопись. С. 256; Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 21–22.
- ¹⁶¹ GStAPK. XX HA (Hist. StA Königsberg). OBA Nr 20215. Einlage 1.
- ¹⁶² Герберштейн С. Записки о Московии. С. 70. — На одной из гравюр в издании М. Бельского 1564 г. изображен именно поединок между московитом и тяжелым копейщиком (Bielski M. Kronika wszystkiego świata. Kraków, 1564. L. 412).
- ¹⁶³ Opis bitwi pod Orsza według Stanisława Sarnickiego. P. 141; Anno domini millesimo quingentesimo quartodecimo. P. 5.
- ¹⁶⁴ Напр.: Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. С. 250–251.
- ¹⁶⁵ Anno domini millesimo quingentesimo quartodecimo. P. 5.
- ¹⁶⁶ Bielski M. Kronika Polska. P. 975.
- ¹⁶⁷ Архангелогородский летописец. С. 101.
- ¹⁶⁸ Opis bitwi pod Orsza według Stanisława Sarnickiego. P. 142.
- ¹⁶⁹ Anno domini millesimo quingentesimo quartodecimo. P. 5.
- ¹⁷⁰ Кашипровский Е.И. Борьба Василия III... Прим. 2. С. 251.
- ¹⁷¹ Opis bitwi pod Orsza według Stanisława Sarnickiego. P. 142.
- ¹⁷² Герберштейн С. Записки о Московии. Прим. С. 70.
- ¹⁷³ Anno domini millesimo quingentesimo quartodecimo. P. 5.
- ¹⁷⁴ Летопись по Воскресенскому списку // ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 258; Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 22.
- ¹⁷⁵ Герберштейн С. Записки о Московии. Прим. С. 70.
- ¹⁷⁶ Bielski M. Kronika Polska. P. 975.
- ¹⁷⁷ Архангелогородский летописец. С. 101–102.
- ¹⁷⁸ Korzon T. Dzieje wojen i wojskowości w Polsce. Т. 1. Lwów; Warszawa; Kraków, 1923. P. 259.

- ¹⁷⁹ Anno domini millesimo quingentesimo quartodecimo. P. 5.
- ¹⁸⁰ Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955. С. 260.
- ¹⁸¹ Архангелогородский летописец. С. 101.
- ¹⁸² Софийская 2-я летопись. С. 256.
- ¹⁸³ Anno domini millesimo quingentesimo quartodecimo. P. 6.
- ¹⁸⁴ Хроника Литовская и Жмойтская // ПСРЛ. Т. 32. М., 1975. С. 106–107.
- ¹⁸⁵ 1514, декабря 29. Жалованная королевская грамота Мстиславскому князю М.И. Жеславскому // АЗР. Т. II. № 92. С. 116–117.
- ¹⁸⁶ Bielski M. Kronika Polska. P. 977.
- ¹⁸⁷ Архангелогородский летописец. С. 102.
- ¹⁸⁸ Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi. P. 384.
- ¹⁸⁹ Ibid. P. 385.
- ¹⁹⁰ I diarii di Marino Sanuto: (MCCCCXCVI–MDXXXIII) dall' autografo Marciano ital. T. XIX. Venezia, 1887. P. 252–253. — То же сообщение от А. Сурьяни, но с датой 24 сентября см.: Ibid. P. 157, 180.
- ¹⁹¹ GStAPK. XX HA (Hist. StA Königsberg). OBA. Nr 20209. Fol. 1 (послание Великому магистру); OBA. Nr 20210. Fol. 1 (послание магистру Ливонии). — Оба письма написаны на латыни.
- ¹⁹² Sigismundus, Rex — Leoni, Pape X // AT. № CCXXXII. P. 183.
- ¹⁹³ Sigismundus, Rex — Joanni Konarski // AT. T. III. № CCXXXI. P. 181; Sigismundus, Rex — Leoni, Pape X // AT. № CCXXXII. P. 183; Sigismundus, Rex — Duci Veneciarum // AT. № CCXXXVIII. P. 186–187.
- ¹⁹⁴ Biblioteca Marciana (Venice). It. VII. 437 (=10084). F. 263.
- ¹⁹⁵ GStAPK. XX HA (Hist. StA Königsberg). OBA. Nr. Fol. 1–2. — Письмо с датой: «Wilna, 13 Septembris 1514».
- ¹⁹⁶ Дарашкевич В.И. Новолатинская поэзия Белоруссии и Литвы: первая половина XVI в. Минск, 1979. С. 95.
- ¹⁹⁷ Sigismundus, Rex — Joanni Lasski // AT. № CCXXXIV. P. 184–185.
- ¹⁹⁸ Anno domini millesimo quingentesimo quartodecimo. P. 6.
- ¹⁹⁹ Spieralski Z. Jan Tarnowski 1488–1561. Warszawa, 1977. P. 69.
- ²⁰⁰ О пленных см.: Антонов А.В., Кром М.М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. Вып. 7. М., 2002. С. 149–196; Grala H. Jeńcy spod Orszy: między jagiellońską «propagandą sukcesu» a moskiewską racją stanu (1514–1552) // Aetas media. Aetas moderna. Studia ofi arowane profesorowi Henrikowi Samsonowiczowi w 70-tą rocznicę urodzin. Warszawa, 2000. P. 440–466; Кошалеў М.К. Жывыя і мертвыя: Маскоўскія вязні пасля Аршанскай бітвы 1514 г. // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мн., 1998. С. 176–183. — В 2002 г. вышла в свет работа литовского исследователя М. Сирутавичюса «Военнопленные в ВКЛ в первой половине XVI века» (Sirutavičius M. Karo belaisviai Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje XVI a. pirmojoje pusėje. Vilnius, 2002). Одна из последних работ: Граля Г. Палонныя з-пад Оршы: паміж ягелонскай «прапагандай поспеху» і дзяржаўнымі інтарэсамі Масковіі (1514–1552) // АРСНЕ. № 12. 2014. С. 645–679.
- ²⁰¹ Anno domini millesimo quingentesimo quartodecimo. P. 6.
- ²⁰² GStAPK. XX HA (Hist. StA Königsberg). OBA. Nr 20215. Fol. 1–4.
- ²⁰³ Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений конца XV — первой половины XVI вв. М., 1980. С. 157.

Серия: «Ратное дело»

Алексей Лобин

ВЗЯТИЕ СМОЛЕНСКА И БИТВА ПОД ОРШЕЙ 1514 г.

Научный редактор серии: *А.В. Малов*

Макет и обложка: *В.А. Передерий*

Художник: *Ю.М. Юров*

Картограф: *С.Н. Темушев*

Верстка: *М.Е. Кузнецова*

Корректор: *Л.В. Ким*

Фонд «Русские Витязи»

125009, Москва, Нижний Кисловский переулок, д. 6, стр. 1.

Тел.: +7 (495) 690-27-98, 690-32-81

fsark@yandex.ru; fsa12@yandex.ru

aerospaceproject.ru; русские-витязи.рф

Исполнительный директор: *Ю.М. Желтоногин*

Главный редактор: *О.Г. Леонов*

Руководитель издательских и медиа-проектов: *С.А. Попов*

Формат 84 × 108/16

Отпечатано согласно предоставленному

оригинал-макету в типографии «Фактор-Друк».

61030, г. Харьков, ул. Саратовская, 51. Тел.: + 3 8 057 717 53 57.

Тираж 1200 экз. Заказ № 3760.



*Битва под Оршей. Фрагмент картины неизвестного художника. Между 1524 и 1530 гг.
(Национальный музей, Варшава)*



Лобин Алексей Николаевич. Родился в 1977 г. в Ульяновске. В 1994 г. поступил на исторический факультет СПбГУ, учился на кафедре Источниковедения истории России. В 1999 г. поступил в аспирантуру СПбГУ, в 2004 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Материалы Пушкарского приказа как источник изучения русской артиллерии XVII в.» (научный руководитель — д.и.н. проф. Р.Г. Скрынников). С 2007 г. по настоящее время работает в ФГБУ «Государственный комплекс “Дворец конгрессов”» Управления делами Президента РФ (Санкт-Петербург) на должности руководителя группы научно-методических разработок. Член редколлегии электронного научного издания «История военного дела. Исследования и источники», составитель и ответственный редактор специального выпуска «Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного. Материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны» (http://www.milhist.info/spec_1). Автор около 50 научных работ, в том числе одной монографии «Битва под Оршей 8 сентября 1514 г. К 500-летию сражения» (СПб., 2011) и 15 статей, посвященных войне 1512–1522 гг. Сфера научных интересов: военная история XV–XVII вв.

Книги серии «Ратное дело» посвящены войнам, сражениям, походам и осадам в первую очередь в истории России. Особое внимание уделяется слабоизученным или вовсе неизвестным военным событиям. Серия обращена прежде всего к широкому кругу читателей — любителей военной истории и истории Отечества, но будет интересна и профессионалам. Подобная универсальность достигнута благодаря привлечению к работе над серией ведущих специалистов-историков. С одной стороны, это позволило гарантировать оригинальность и качество содержания книг. С другой — авторы серии взяли на себя труд рассказать об описываемых событиях доступным повествовательным языком.

В серии «Ратное дело» вышли следующие книги:

- И. Курукин.* На пути в Индию. Персидский поход 1722–1723 гг.
В.А. Артамонов. Дунайский поход Петра I. Русская армия в 1711 г. не была побеждена.
Д.С. Рябушкин. Остров Даманский. Пограничный конфликт. Март 1969 г.
И.Б. Бабулин. Борьба за Украину и битва под Конотопом (1658–1659 гг.)
И.Б. Бабулин. Каневская битва 16 июля 1662 г. Забытая победа.
А.И. Филюшкин. Закат северных крестоносцев: «Война коадьюторов» и борьба за Прибалтику в 1550-е гг.

Готовятся к выходу:

- О.Ю. Куц.* Азовское осадное сидение 1641 г.
Д.Н. Никитин, Н.И. Никитин. Покорение Сибири.
О.А. Курбатов, Я.Н. Рабинович. Борьба за Тихвин в 1613 г.

